

БОСС

МОЕГО МУЖА

НАТАЛЬЯ РУЧЕЙ

Наталья Ручей
Босс моего мужа

«Автор»

2020

Ручей Н.

Босс моего мужа / Н. Ручей — «Автор», 2020

Я слышу его шаги, но не оборачиваюсь. Все, что я в состоянии сделать, – это дышать. Дышать, несмотря на жгучую боль в груди, страх и отчаяние, которые съедают меня изнутри. Я должна... Это несложно. Наверное... Но как только его дыхание касается моей шеи, я слабавольно шепчу: – Зря ты не выбрал деньги. Секс со мной – не лучшее предложение. Поверь, ты всерьез просчитался. – Посмотрим, – роняет холодно он. И змейка на моем платье начинает неумолимо скользить вниз под натиском его жестких пальцев.

© Ручей Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Анита, настоящее	7
Глава 2. Анита, настоящее	10
Глава 3. Анита, настоящее	14
Глава 4. Анита, прошлое, 8 лет назад	18
Глава 5. Анита, прошлое, 8 лет назад	23
Глава 6. Анита, прошлое, 8 лет назад	28
Глава 7. Анита, прошлое, 8 лет назад	32
Глава 8. Анита, настоящее	36
Глава 9. Анита, настоящее	41
Глава 10. Анита, настоящее	44
Глава 11. Анита, настоящее	49
Глава 12. Анита, настоящее	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Наталья Ручей

Босс моего мужа

Наталья Ручей

* * *

Пролог

Стараясь унять неуместную дрожь, я толкаю массивную дверь и вхожу в кабинет.

Трудно заставить себя посмотреть на него с учетом обстоятельств, которые меня сюда привели, но я это делаю.

– Ты? – В дымчатых глазах мужчины на какой-то миг плеснулось удивление, но взгляд сразу же сделался жестким и холодным.

Таким, как всегда.

На лице ни единой эмоции.

Он бросает взгляд на документы, которые изучал до моего прихода, напоминая, что у него мало времени. Не приглашает присесть или чашечку кофе, который могла бы принести его секретарша и тем самым на пару минут отсрочить минуту моего унижения.

Теперь я уже почти жалею, что рискнула прийти сюда одна. Мне всегда было тяжело находиться с ним даже в большом помещении и среди многих людей, а когда мы в его кабинете и один на один, это кажется просто невыносимым.

– Макс должен тебе... крупную сумму денег, – бормочу я, отводя взгляд.

– Надо же, какая новость, – в его голосе отчетливо слышится издевка. – Не думал, что буду обсуждать это с тобой.

Ну да, разумеется, он не хуже моего знает, что из-за ошибки моего мужа компания потеряла большие деньги.

– Мы вернем, все вернем, – обещаю торопливо. – У нас есть дом, две квартиры, мы можем продать машины, и...

Его смех обрывает мою тихую речь.

И правда, смешно, он – владелец строительной компании, а машины меняет так часто, как этого хочет.

– Нам больше нечего предложить, – добавляю еще тише, чем раньше.

– Есть. – Его взгляд рентгеном проходит по мне, задерживается на груди и ногах и возвращается неспешно к моим глазам. – Только не вам, а лично тебе. Подумай, стоит ли твой муж такой платы?

Сомнений в том, чего он хочет, не возникает. И, пожалуй, я спрашиваю лишь затем, чтобы проверить: может быть, это все-таки сон. Дурной сон, один из немногих за последнее время.

– Ночь? Тебе нужна ночь со мной?

Он снова смеется.

– Твой муж может отправиться за решетку на несколько лет, а ты предлагаешь мне ночь? Месяц. В моем полном распоряжении. На моих четких условиях.

Глава 1. Анита, настоящее

– Это твоя вина, – припечатывает свекровь.

Ее голос спокойный, в нем нет злорадства, но от этого только больнее. Потому что нельзя убедить себя, что ее слова не правда, а всего лишь неприязнь, которую я ощущаю с момента знакомства.

Красивая, отстраненная, совершенно чужая, несмотря на то, что за ее сыном я замужем уже ровно семь лет. Внешне они с Максом очень похожи: каштановые волосы, тонкие черты лица, синие выразительные глаза. Только в ее взгляде вечный лед, не знаю, удастся ли его пробить хоть кому-то.

Я не смогла, хотя и пыталась.

Неровня – таким был ее приговор с первой минуты. Она не хотела этого брака. Отцу Макса было без разницы, его вообще мало что волнует, кроме бизнеса и карьеры сына. Но, к неудовольствию свекрови, ее сын все равно выбрал меня.

И каждый раз, когда мы встречаемся, она не упускает возможности указать мне на то, что это ошибка. Боюсь даже предположить, что она говорит Максиму, когда меня нет. Не люблю оставаться наедине с ней, она тоже не стремится к моему обществу, оттого и так странно ее внезапное появление.

Я ждала не ее.

Она – последняя, кого я хотела бы сегодня увидеть в собственном доме. Тем более при таких обстоятельствах.

– Анита, ты хоть понимаешь, насколько это смешно?

Свекровь обводит взглядом стол, на котором стынет ужин, одиноко стоят пустые бокалы, охлаждается бутылка вина, утомленные ожиданием, горят свечи. Почему-то мне стыдно за свечи – именно они меня выдают. И да, конечно, она все понимает: поздний час, романтический ужин, а я совершенно одна.

– Он женился на тебе, – продолжает свекровь, переведя пристальный взгляд льдистых глаз на меня. – Не развелся, когда выплыли наружу твои... недостатки.

Цепляюсь сильнее пальцами в подоконник, у которого стою. Пытаюсь понять по строгому лицу женщины, все ли ей известно, все ли мои недостатки. Хотя и одного достаточно, чтобы она перестала делать вид, что когда-нибудь нам удастся наладить с ней отношения.

За семь лет так и не вышло, а теперь, когда наш с Максом секрет выплыл наружу, это вообще бесполезно. Я чувствую себя обнаженной под ее взглядом, который вспарывает меня осколками льда. Медленно выдыхаю: я не хочу испортить сегодняшний вечер, слишком большие планы, надежды.

– Неужели не понимаешь, что это все бесполезно? – Свекровь еще раз обводит взглядом накрытый стол. – У вас нет будущего, Анита. И то, что Макс сейчас не здесь, не с тобой, тому лишнее подтверждение.

– Думаю, мы сами с ним разберемся.

Она резко дергает головой, как будто удивлена, что я посмела заговорить с ней, а не молча выслушать свой приговор.

– Вы уже разобрались. – Она открывает сумочку, кладет на стол какую-то коробочку, обвязанную яркой лентой желтого цвета, и продолжает траурным тоном: – С годовщиной, дорогая. Откроете вместе с Максом. Если он, конечно, сегодня вернется.

Она уходит.

Без прощальных слов, липовых приглашений заходить почаще и без моих проводов – все это лишнее.

Я слышу, как стихают ее шаги, закрывается дверь, но легче все равно не становится. Недолгий разговор, пара фраз, но они въедаются в мысли, присоединяются к тем, что уже кружились до этого.

Разворачиваюсь к окну, но даже любимый вид на реку и закатное солнце не помогает выдохнуть, переключиться. Тихо потрескивают свечи, аромат запеченного мяса щекочет ноздри, слышится шелест стрелок часов, напоминая о моих слишком смелых планах на вечер, которым сбыться не суждено.

И вдруг взгляд цепляется не за пейзаж за окном, а за мое отражение в стеклах.

Обтягивающее красное платье, укладка, над которой трудились в салоне, безупречный макияж, дорогое кольцо и длинные серьги – подарок, который я получила от мужа на первую годовщину. Тогда все было даже сложнее, чем сейчас, но мы не сдавались. Именно эта мысль заставляет меня будто очнуться.

«Макс, ты где?» – пишу сообщение мужу.

«Странный вопрос, – отвечает он через пару минут. – Как всегда, на работе. Не жди меня, ложись спать. У меня еще одна встреча, и, скорее всего, она сильно затянется».

Пусть так, хорошо.

Я не буду искать в его словах подтекст, который пыталась донести до меня свекровь.

Я просто хочу сделать так, чтобы этот вечер запомнился нам обоим, чтобы вытеснил все неважное, лишнее, чтобы стал еще одним шагом.

Чудом не забываю сумочку и ключи от машины – спешу, окрыленная, мне жаль тратить время на грусть, в которую меня окунули.

От смены локаций ничего не изменится, правда?

Может быть, новизна даже лучше. Выход из зоны комфорта, из привычных условий, из ролей, с которыми свыклись.

Не хочу ждать лифта, практически бегу по ступеням, чувствуя, как недоверчиво разгоняется по венам адреналин из-за того, что я планирую сделать. Мое настроение переносится и моей оранжевой Мазде – она сверкает в лучах красного солнца, радостно пищит сигнализацией, встречая меня, с удовольствием несется по вечернему городу.

Я была всего раз в новом офисе Макса, но прекрасно помню дорогу. Уже через двадцать минут я на месте. Несмотря на довольно позднее время, из окон некоторых кабинетов все еще льется свет. А вот кабинет Макса темный.

– Добрый вечер, – готовлюсь охраннику пояснить, кто я и зачем, но он сразу меня пропускает.

– Решили забрать Максима Леонидовича лично? – усмехается. – Хорошая идея, а то уж очень долго работает. Прежний директор себя больше жалел.

– Поэтому его не пожалел хозяин компании, – отвечаю с улыбкой.

То, что меня узнали, несмотря на единственный визит, кажется хорошим знаком. Поднимаюсь в лифте на пятый этаж, улыбаюсь своему отражению и тому, как дрожат мои пальцы. Такое ощущение, что не к мужу иду, а к любовнику. Тихо, вокруг никого, и это подстегивает мое предвкушение.

Место помощницы тоже пустует, свет выключен, но дверь в директорский кабинет приоткрыта. Он бы не оставил открытой дверь: документы, печати, ноутбук, сейф, так что я понимаю: он здесь. Несмотря на то, что из кабинета тоже тянутся лишь сизые вечерние тени.

Осторожно ступаю, как по лунной дорожке, которая может исчезнуть в любую минуту. Это все из-за волнения, из-за легкого страха: а вдруг не получится? Не давая себе времени на запоздалые сомнения, захожу в кабинет.

Макс действительно здесь.

Не замечает моего присутствия, не слышит, что уже не один. Уставший, задумчивый, окутанный тенью, он сидит в своем кресле, развернув его к панорамным окнам. Мелькает сожа-

ление, что он все-таки согласился на эту должность, но я тут же его отмечаю. Он сам так хотел, я могу лишь поддержать его выбор, как всегда делал он. И немного помочь, хотя он для меня всегда делал больше.

Подхожу к его креслу, склоняюсь и обнимаю мужа за плечи.

– Чшш, – говорю с улыбкой, чувствуя, как напрягается его тело под моими пальцами. – Я всего лишь хочу, чтобы ты выбрал подарок: поцелуй в этих сумерках, массаж, стриптиз или лучше минет?

Мои пальцы начинают скользить по его плечам, и вместе с тем я прислоняюсь губами к его шее, подсказывая ответ. Он может получить все, не обязательно так долго и мучительно выбирать.

Его плечи напрягаются еще больше, а потом он перехватывает мою ладонь, заставляя обойти кресло. Улыбаюсь его нетерпению, радуюсь своей смелости и тому, что все получилось.

– Хочешь начать сразу с последнего?

Но едва я оказываюсь напротив него, моя улыбка сникает. Не веря, смотрю на мужчину, который сидит в кресле моего мужа, в его кабинете. Мне все еще кажется: если моргнуть, вечерние тени слепят совсем другой силуэт, другое лицо и глаза синего цвета. Но прежде, чем я пытаюсь хоть на секунду спрятаться за ресницами, меня ловит в ловушку взгляд дымчатых глаз, а тишину разбивает давно забытый голос из прошлого:

– Здравствуй, Аня.

Аня...

Из всех моих друзей, родни и знакомых так меня называл только он.

– Здравствуй, Тимур.

Глава 2. Анита, настоящее

Между нами повисает молчание, но ни один из нас не спешит нарушить его.

Меня всегда охватывало в его присутствии странное оцепенение. А ему всегда было на это плевать. И сейчас я понимаю, что восемь лет – слишком ничтожная цифра, чтобы что-нибудь изменилось.

Густые сумерки скрадывают половину его лица, мягко, словно боясь, окутывают его плечи и строгий костюм. Черные волосы, темнота, то, что он сидел спиной ко мне в кабинете моего мужа, где я не ожидала увидеть постороннего, и мое сильное волнение не оправдывают того, что я не узнала Тимура.

Могла не узнать кого-то другого, но не его. Я всегда чувствовала, если он находился где-то поблизости.

Холодные ноты парфюма и пронизывающий, без эмоций взгляд пытаются окунуть меня в прошлое. Приходится напомнить себе, что я уже не та наивная девочка, которая старалась сбежать, едва он оказывался рядом. К тому же я на своей территории – не его, как было когда-то.

– Что ты здесь делаешь? – в моем голосе уже нет волнения, и я ему благодарна. – Пытаешься примерить на себя роль директора этой компании?

– Не хотелось бы, – отвечает с усмешкой он. – С учетом, что эта компания – часть моего холдинга.

– Ты владелец «Строй-Грант»?

– Твой муж тебе не сказал?

Я не знаю, почему Макс не сделал этого, я спрошу его позже, когда мы будем одни. Сейчас мне просто хочется стереть с губ Тимура снисходительную ухмылку.

Он прищуривается: пожалуй, мало кто решится назвать его холдинг, даже небольшую его часть, такую, как эта компания, пустяком. Может быть, даже никто. И мужчин нельзя задевать за то, что они ценят и действительно любят, они этого не прощают.

Но слова уже прозвучали...

– Да, – соглашается Тимур. – Судя по твоему эффектному появлению, он даже не считает важным сказать тебе, где находится.

После разговора со свекровью эти фразы падают на благодатную почву сомнений. Но прежде чем Тимур успеет поставить себе очередную галочку «удар достиг цели», из приемной раздаются шаги.

И я улыбаюсь, потому что теперь точно знаю: это мой муж.

Смотрю на дверь, ожидая его появления и пытаюсь не обращать внимания на легкое, но осязаемое жжение на правой щеке. Потому что Тимур тоже смотрит, но отнюдь не на дверь.

Мягкий свет освещает кабинет и Макса, который входит в комнату с немного удивленной улыбкой. И я могу подойти к нему, обнять и облегченно выдохнуть в его спокойных объятьях, отпуская сегодняшний день.

– Анита, – он целует меня в макушку, – что ты здесь делаешь?

– То есть присутствие здесь Тимура тебя не удивляет? – шутливо ворчу.

– С Тимуром у меня назначена встреча, просто я задержался с юристом, – разомкнув объятья, муж бросает на стол папку с документами. – А вот тебя я увидеть не ожидал.

То, почему я пришла, касается только нас, поэтому ограничиваюсь улыбкой. Пусть думает, что просто соскучилась – пока сойдет любая из версий. Потому что, по глазам вижу, он все равно забыл, что сегодня за день. Напомню потом, когда будем одни.

– Твоя жена хотела сделать тебе сюрприз, – раздается голос Тимура у меня за спиной. – Собиралась вручить свой подарок.

– Подарок? – Макс медлит пару секунд, а потом выдыхает. – Анита...

– Ничего страшного, – я стараюсь не доставить случайному свидетелю удовольствия позлорадствовать.

– Прости, котенок, – муж целует меня в висок, – с этой работой я так замотался, что совершенно забыл.

– Не переживай, – подмигиваю, – подарок тебя подождет.

– Мы здесь надолго застрянем, – снова вставляет Тимур, а после секундной паузы добавляет: – Так что можешь вручить свой подарок прямо сейчас, а я подожду.

Медленно выдыхаю...

Он ведь знает, знает, специально меня провоцирует, и ему снова это удастся блестяще.

– Мой подарок только для мужа. Поэтому я вручу его, когда мы будем одни.

Оборачиваюсь и, пожалуй, впервые за все время знакомства вижу в его глазах отблеск хоть каких-то эмоций. А вот каких – не могу разобрать.

Ему нравится загонять меня в угол. Он уже не выглядит таким напряженным, как был. Кресло развернуто, поза расслаблена, пальцы подпирают подбородок, скользя возле нижней губы.

А он изменился, понимаю теперь, когда вижу его при свете. Стал еще жестче. И интуитивно от него хочется держаться еще дальше, чем раньше.

– Если хочешь, можешь идти домой, – предлагает он Макс. – Вдруг подарок и правда важнее работы.

Он специально так это подал.

Таким тоном, такими словами.

– Анита...

– Макс, – целую его в губы и назло провокатору делаю вид, что это мое решение, а не мужа, – я поеду домой. Пока ты будешь занят, приготовлю нам что-нибудь вкусное, охлажу вино, зажгу свечи...

Я перечисляю то, что уже есть, но об этом знает только свекровь. Макс обещает исправиться, освободиться пораньше и купить мне огромный букет, чтобы тоже поздравить как следует.

– Я бы на твоём месте купил не один, а четыре, – следует совет от Тимура.

– Почему четыре? – удивляется Макс.

– За каждый час, что ты сегодня удержишься, – поясняет владелец компании.

Но когда наши взгляды встречаются, там открыто читается: «Итак, что ты мне предлагала? Поцелуй в сумерках, массаж, стриптиз и минет. Ничего не забыл? Как раз по букету за четыре позиции».

– Одного букета будет достаточно, – говорю я.

И уже успеваю дойти до двери, когда снова слышу голос Тимура:

– Красивое платье.

Не оборачиваюсь.

Более того, позволяю себе малодушную слабость поверить в то, что он сказал эту фразу случайно.

Да, случайно, убеждаю себя. Вряд ли он помнит то, как однажды сильно задел меня комментарием по поводу платья. Вряд ли он вообще тогда это понял. И уж точно не в курсе, как долго я плакала.

Он просто не может этого знать.

Никто не знал, даже Настя.

Я несусь по дороге так, словно ветер, ударяющийся о металл, может меня остудить. Если бы Макс видел цифры на спидометре и слышал шелест колес, которые приветствуют непривычную скорость, он бы вряд ли поверил, что это реальность.

Я всегда вожу осторожно, слишком осторожно и медленно, поэтому ему не хватает терпения ездить со мной, когда я за рулем. Мне кажется, это единственное, что способно его вывести из себя.

Спокойный, надежный, добрый, веселый, многие бы добавили – офигенно богатый. Я сделала правильный выбор, а он...

Не раз и не два я морально готовилась к тому, что он захочет со мной развестись. Может быть, будь на моем месте кто-то другой, он так и поступил бы. Но дело в том, что он не только мой муж, но и мой друг.

Друг, который вытянул меня с того света явно не для того, чтобы легко отпустить.

В доме так тихо, что я распахиваю окна – пусть хотя бы ветер ворвется и разбавит мое одиночество. Через час ожидания открываю бутылку вина и усаживаюсь с бокалом на кухне. Мне кажется важным дожидаться Макса, хотя моя решимость и тает. Так же как свечи, которые я вновь зажигаю.

Река за окном переливается городскими огнями, внизу проносятся сотни машин – кто-то к кому-то спешит. А я застываю в немом ожидании, не могу пошевелиться несмотря на то, что осенний ветер хватается за плечи. Кажется, одно неверное движение – и что-то изменится безвозвратно.

Я оживаю, лишь услышав, как в замке проворачивается ключ. И пока муж снимает обувь, смотрю на часы и машинально отмечаю: ровно четыре часа... ровно четыре часа, как он и сказал...

Муж входит с букетом белых ромашек, присаживается на корточки возле моего стула, кладет цветы мне на колени и опускает усталую голову. Провожу рукой по его волосам – всегда удивляло, какие они у него мягкие и послушные.

– Еще один подарок в кармане, – бормочет расслабленно он. – Сейчас достану...

Но он не поднимается, отдыхает, сбрасывает усталость, оставляет работу за стенами дома.

Резкий выдох спустя несколько минут – отпустил, отдохнул.

Поднимает взгляд на меня, достает из кармана маленькую коробочку, открывает ее и надевает на запястье моей левой руки красивый браслет с изумрудами.

– Как твои кошачьи глаза, – улыбается, видя, что я с интересом рассматриваю браслет.

Он не массивный, тоненький, аккуратный, и камни очень красиво блестят.

– Спасибо, – прикасаюсь к его губам.

Обнимаю Макса за шею, хочу углубить поцелуй, но муж поднимается. Бросает взгляд на стол, где из горячего остались лишь свечи.

– Надо было предупредить тебя, чтобы поужинала сама, – говорит с сожалением. – Тимур заказал из ресторана еду.

Я понимаю, что голод для мужчины – не лучший стимул работать. И даже хорошо, что он не терзался до двенадцати ночи. Но разочарование все равно разливается, сталкиваясь с напряжением, в котором я провела эти четыре часа.

– Давай я закажу на завтра столик в ресторане? – предлагает он. – В "Боххос", который ты любишь.

– Хорошо, – соглашаюсь.

Пропущенный ужин не повод выяснять отношения, когда мы упускали куда более серьезные причины для этого.

– А это что? – Он замечает коробку с желтой лентой, которую я так и оставила нетронутой.

– Твоя мама приходила.

Теплая улыбка трогает его губы. Он берет в руки коробочку, рассматривает ленту с каким-то изумлением и неожиданно поясняет:

– Мне никогда не дарили подарков. Настоящих подарков. Даже в детстве. Я всегда получал подарок деньгами. Или банковскую карточку на весь день и мог купить себе все, что хочу. Мечта любого мальчишки, наверное. Но я дико завидовал друзьям, у которых были минуты ожидания, пока они вскрывают упаковку. Однажды в магазине я, как обычно, выбрал себе подарок и заказал, чтобы его упаковали в десять слоев. Десять слоев разноцветной бумаги...

Он поднимает на меня сияющий взгляд.

– В последние годы мать стала сентиментальной.

Киваю.

Примерно лет семь. Потому что все годы, что я ее знаю, ее подарки были тщательно упакованы, и даже обертка несла смысловое значение. Как эта желтая лента.

Когда Макс дергает за ленту, мне хочется попросить его, чтобы он прекратил. Чтобы оставил как есть, чтобы то, что внутри, так и осталось в коробке...

Но я не решаюсь.

Он действительно рад, и потом, это подарок от матери.

Но когда он достает содержимое, меня охватывает озноб. Или все дело в распахнутых окнах? Не знаю, не могу сказать точно.

– Хм... – Он достает наручные мужские часы, красивые, естественно дорогие, смотрит на те, что у него на запястье, и тут же меняет. – Ей будет приятно.

У нас годовщина, но подарок для него, персонально.

И лучше бы так...

Потому что потом он достает и второй подарок – уже для меня.

Крутит его на свету и произносит оценивающе:

– Очень дорогая работа, хорошие камни.

Боясь моргнуть, я смотрю на большие песочные часы. В них так быстро падают вниз маленькие песчинки... слишком быстро... и если перевернуть, ничего не изменится, они вновь начнут падать...

Перевернув часы, Макс ставит их на стол между нами.

И тем самым как будто запускает отсчет.

Глава 3. Анита, настоящее

Заметив открытую бутылку, муж обновляет вино в моем бокале и наливает себе. Подходит к окну и так же, как и я до его прихода, рассматривает город в распахнутых окнах.

Мы одни, на столе все еще горят свечи, вроде бы подходящий момент, чтобы заново озвучить свое предложение. Но теперь мой порыв кажется наивным, смешным. Я действительно думала, что дата и один день могут что-нибудь изменить?

Но я все-таки подталкиваю себя попробовать, подхожу к Макс, провожу ладонью по его напряженной спине – массаж не помешает. Можно начать с него, а потом...

Он оглядывается, перехватывает мою ладонь, подносит к губам. Привычный жест – для него, для меня. Как и то, что он просто подтягивает меня к своему боку, и мы вместе смотрим на танцующий в ночных огнях город.

– Почему ты не сказал, что работаешь на Тимура?

– Какое это имеет значение? – Я не вижу, но чувствую, как он пожимает плечом. – У него были хорошие условия, у меня опыт.

– Просто... я не думала, что вы общаетесь.

– Никак не привыкнешь, – заметив, что я смотрю на него, он тоже поворачивает голову и тепло улыбается. – У нас слишком узкий круг, чтобы мы не пересекались. Никто не будет терять связи из-за маленького недоразумения многолетней давности.

Может быть, я действительно единственная, кто входит в эту касту «никто», потому что для меня те события многое изменили. Слишком многое, чтобы равнодушно встретить отголосок из прошлого.

– Ты уверен, что Тимур это тоже считает маленьким недоразумением?

– Я уверен, что он вообще об этом не думает. Его всегда интересовали только деньги и бизнес.

Пожалуй, это действительно так. Скорее всего, я просто накручиваю себя – слишком много всего в один день: слова свекрови, надежда, которая подталкивала меня действовать, неловкий момент в кабинете, дымчатый взгляд, который мне всегда было трудно выдерживать.

И все-таки...

– Не забивай себе голову пустяками. – Склонившись, муж целует меня в макушку. – Иди отдыхать. Я ненадолго загляну в мастерскую.

– Опять до утра?

– Постараюсь вернуться пораньше, – усмехается он. – Просто хочу подобрать цвета.

Я скольжу взглядом по праздничному столу и чувствую, как вновь просыпается волнение. Наверное, я просто ищу предлог задержаться, хотя мысленно Макс уже далеко. А потом замечаю букет и торопливо бросаю:

– Поставлю в воду цветы.

Он кивает.

А когда я возвращаюсь с вазой, его уже нет.

Закрываю окна, убираю все со стола, последними гашу ненужные свечи и иду в нашу комнату.

Сняв платье, не понимаю, почему долго смотрю на него, как будто пытаюсь вспомнить что-то важное, а потом просто отбрасываю его на спинку кресла. Макс прав: это действительно всего лишь пустяк, то, о чем я думаю, – точно пустяк.

Прошло столько лет...

Обернувшись, выхватываю свое отражение в зеркале, а потом приближаюсь к нему, стараюсь взглянуть на себя отстраненно. Когда-то давно я думала, что двадцать семь – это

довольно солидный возраст. Но теперь, когда сама пересекаю этот рубеж, не замечаю особых перемен.

Наоборот, мне кажется, я выгляжу лучше, чем раньше. Благодаря тренировкам с личным тренером и массажам тело подтянуто, грудь стала пышнее, но не обвисла. Вместо впалого живота продольные линии пресса, как на картинках, которые когда-то рассматривала. Длинные волосы не потускнели, ранней седины, как у отца, тоже нет – повезло. Наоборот, дорогие маски и шампунь, которые подобрали специально для меня, сделали цвет насыщенным и многогранным. Пряди уже не просто коричневые, а стали цвета каштанов, какими их видел Макс изначально.

Морщины тоже пока не прикоснулись к лицу – косметологи прекрасно знают свою работу. А вот взгляд изменился.

– Ты слишком открыта, – не раз говорил мне когда-то Макс. – Научись закрываться.

Я старалась, но поначалу не получалось. Долго не получалось. А теперь мои глаза как малахитовая дверь, которая лишь изредка приоткрывается. А чаще – зачем? Чтобы остальные увидели то же, что и я, – пустоту?

За эти годы я многому научилась.

Правильно двигаться, еще лучше готовить, следить за домом и создавать уют, понимать юмор друзей моего мужа, отвечать на колкие выпады их жен и подружек, смеяться и молчать в нужных моментах и ценить то, что есть.

Осталась самая малость – перестать мечтать о несбыточном.

Я долго не сплю, ни о чем не думаю, так, просто тону в какой-то смутной тревоге. Прислушиваюсь к шагам, но их нет. Обнимаю соседнюю подушку и все-таки засыпаю. Без сновидений, что редко бывает и потому непривычно, как будто на эту ночь исчезли яркие маркеры, которые еще долго раскрашивают утро.

Душ, кофе, завтрак – привычный ритуал. И то, что я захожу в дальнюю комнату будить мужа, тоже уже почти ритуал.

Мастерская просторная, южная сторона, но солнце, льющее в окна, Макса не беспокоит. Не трогает и картины, которые накрыты и повернуты к стенам, а вот к мольберту с новой работой проявляют интерес, как и я.

Макс так сладко спит на диване, что я даю ему еще пару минут. А сама тихонько приближаюсь к картине, над которой он работал всю ночь. Не просто смешивал краски – писал. Интересно, что его на этот раз увлекло?

Взглянув на холст, замираю.

Серые тени, распахнутое окно, на его фоне женский силуэт в красном платье. За окнами город, знакомая улица, много огней. А возле окна какой-то темный мазок – не успел, не закончил или такая задумка?

– Как тебе?

На мои плечи ложатся руки Макса.

– Здесь что-нибудь будет? – провожу пальцем над странным пятном.

– Не знаю, – отвечает, подумав. – Я пока не увидел. Тебе нравится?

– Ты же знаешь, что да.

– Да, – кладет голову мне на макушку, – знаю.

Мне всегда казалось, что именно это призвание Макса, а он только отшучивался. Поначалу я не понимала и уговаривала его попробовать, начать хотя бы показывать свои картины кому-то, кто разбирается. Но он сказал, что мужчина должен зарабатывать деньги, и на этом тема закрылась.

Потом я поняла, что он прав. Если хочешь держаться на прежнем уровне жизни, иначе никак. А мы оба привыкли жить, позволяя себе все, что хотим. Дом, еще одна квартира, моя новая Мазда – все это стоило денег.

Наспех позавтракав, муж целует меня в дверях и уезжает снова их зарабатывать. А я привычно их трачу: маникюр, спортзал, массаж стоп. Марина, моя массажистка, всегда, когда делает массаж, подробно рассказывает что и зачем, и как это отразится на той или иной точке, и как я начну себя легче чувствовать.

– Скоро я сама научусь делать массаж, – смеюсь, слушая очередной инструктаж. – Потеряешь клиента. Или того хуже – твоих отобью.

– Да и пожалуйста! – отзывается она, улыбаясь. – Мне толковая напарница не помешала бы.

Конечно, мы обе с ней понимаем, что ей ничего не грозит. У нее медицинское образование, опыт и просто волшебные руки, поэтому я оставляю щедрые чаевые и иду дальше уже налегке. Посиделки с подругой – женой приятеля Макса, пара бутиков, в которых мы ничего не покупаем, просто сравниваем коллекции этого года и прошлого, – вот день и скатился к вечеру.

– Надеюсь, ты не готовила ужин? – звонит Макс. – Приглашаю тебя поужинать в «Бох-хос».

Он явно в настроении, и мое поднимается тут же. В ресторан я даже приезжаю чуть раньше него, сажусь за заказанный столик, с нетерпением жду, улыбаюсь, заметив его фигуру в дверях.

И тут же сникаю, когда замечаю, что он не один.

Следом за ним в ресторан заходит Тимур. И нет, это не совпадение. Он тоже направляется к нашему столику.

Бретелька на моем платье решает соскользнуть с плеча, когда он уже в двух шагах. Поправляю ее и чувствую холодок на запястье – мне даже не нужно смотреть, чтобы знать, чей я чувствую взгляд.

Он будет ужинать с нами? Почему Макс привел его? Они не закончили деловой разговор и мне придется терпеть присутствие его руководства?

Тут же упрекаю себя.

С чего разволновалась? Обед, ужин с деловыми партнерами мужа для меня тоже привычное дело. Поэтому я даже слегка улыбаюсь, когда незваный гость приближается.

– Здравствуй, Аня...

– Здравствуй, Тимур...

Это уже тоже начинает напоминать ритуал, и я невольно морщусь, хотя тут же беру эмоции под контроль. Но поздно. Мне кажется, в глазах Тимура мелькает четкое понимание, но мне иногда вообще слишком многое кажется.

Как и то, что он рассматривает меня пристально, долго, и со стороны это уже неприлично. А на самом деле наверняка прошли лишь секунды, и не в сторону же ему смотреть, в самом деле. И не на странную барышню с пышным бюстом, которая за столиком рядом с нами пялится на него и исходит слюной.

– Тоже решил здесь поужинать? – сбиваю неловкость, которую чувствую.

– Почему нет? Неплохой ресторан.

Мне не нравится, что он не садится. Он и без того выше меня, а сейчас попросту нависает. Если уже пришел, хотя его и не звали, то...

– Хорошего вечера, – роняет он.

И подходит к столику с той самой барышней с бюстом. Она едва не облизывается, глаза горят, улыбается во все тридцать два. Неужели решил познакомиться? Но когда он спокойно садится за стол и я слышу радостный щебет девушки, понимаю, что она уже с ним знакома. Его и ждала.

С нетерпением, с жадностью – это видно в ее взглядах, позах, в том, как она старается ему угодить. И не отшатывается, когда в ответ на ее бойкий лепет он окидывает ее взглядом без малейших эмоций.

– Ты что-то уже заказала? – вопрос Макса заставляет меня отвернуться от пары за соседним столиком.

– Ждала тебя.

Он кивает, делает выбор – удачный, потому что прекрасно знает мой вкус. Это не просто неплохой ресторан, а один из лучших в городе. Мне всегда нравилась кухня здесь, но сейчас я практически заставляю себя есть.

Да, странно и глупо, но я знаю, чем это вызвано. Хотя точнее будет сказать – кем это вызвано.

Он слишком близко.

А мне, как и раньше, когда он близко, становится душно, чуточку страшно и сильно не по себе. Я бы даже не отказалась сбежать – не так резво, как бывало когда-то, и так, чтобы на этот раз он не понял, что это побег.

Может, и правда?

Сослаться на головную боль, соблазнить Макса ужином в моем исполнении, и...

Никто не заметит.

С моего плеча вновь соскальзывает бретелька, я машинально ее поправляю и сталкиваюсь взглядом с Тимуром, который следит за моими движениями.

За тем, как мои пальцы скользят по ткани, словно поглаживая ее. За тем, как медленно натягивают ее на оголенную кожу. И как я отдергиваю руку, словно обжегшись, когда его взгляд из случайного становится пристальным.

Слишком пристальным.

Как тогда.

Глава 4. Анита, прошлое, 8 лет назад

– Ну-ка, а теперь посмотри на себя! – командует Настя.

Я разворачиваюсь к зеркалу и изумленно рассматриваю свое отражение.

Никогда не думала, что платье может так кардинально изменить человека. Короткое, обтягивающее, оно тем не менее не выглядит вульгарным. У Насти определенно есть вкус.

Да, это не маленькое черное платье Коко Шанель, которое каждая девушка должна иметь в гардеробе. На это платье нужно очень-очень долго копить, да и смысл – его мало куда можно надеть.

Я бы на него вообще никогда не решилась, даже если бы оно было моим. Но Настя сказала, что иначе я буду выглядеть белой вороной, и уговорила просто примерить вместо моего платья.

В этом я выгляжу старше. Вряд ли кто-то скажет, что мне едва исполнилось девятнадцать. Двадцать два – двадцать три. И мне это нравится. И то, как оно выгодно подчеркивает фигуру, нравится тоже: грудь в нем кажется больше, а ноги длиннее.

– Пойдем. – Услышав сигнал машины, Настя подхватывает свою сумочку, больше напоминающую блестящий кошелек, и мы выходим из комнаты.

Не спешим, хотя гудки машины становятся громче, протяжней. Настю лишь веселит нетерпение ребят. Она считает, что они должны быть счастливы уже оттого, что мы согласились с ними поехать на вечеринку. Так что десять минут – ничто за такое везение.

– Ничего особенного в них нет, зануды, – пока мы спускаемся со второго этажа ее дома, поясняет она. – Просто не хочу, чтобы Макс думал, будто я сижу в комнате и рыдаю в подушку. Пусть знает, что жизнь и без него продолжается. Мне хорошо, весело – словом, я счастлива.

– А как он об этом узнает, если вы расстались? – удивляюсь я.

– Не переживай, – усмехается она. – Всегда есть те, кто любит потрепать языком. Ему перескажут.

Собственно, цель нашего похода на вечеринку именно в этом и заключается: чтобы как можно больше людей рассказали бывшему парню Насти, что ей на него плевать. Я его никогда не видела. Когда мы начали с Настей общаться более близко, чем одноклассники, они с Максом уже были в ссоре. А это минимум месяц.

У нее не перегорело, судя по попытке что-то ему доказать. А у него? Мужчины быстро находят замену.

Убить свой вечер с двумя занудами, только чтобы твоему бывшему что-то шепнули? Я бы сказала: глупость. Но то, что я согласилась ей составить компанию, глупость не меньшая, так что молчу.

У дома нас ждет серебристая иномарка – не особо в них разбираюсь, но машина красивая. Кстати, ребята тоже.

– Сергей и Артем, – представляет их Настя.

А еще они совсем не зануды. Пока мы едем, рассказывают что-то забавное про своих общих знакомых. Я никого не знаю, так что не пытаюсь запомнить даже имена, но послушать любопытно.

Никогда не думала, что пересекусь с так называемой золотой молодежью, но неловкости нет.

Наверное, Настя права и платье сыграло свою роль. Конечно, пришлось сделать крюк и заехать сначала к ней, но сейчас я понимаю, что оно того стоило. В своем платье я бы действительно чувствовала себя не в своей тарелке.

Минут через двадцать мы въезжаем в соседний поселок, где также охрана на входе, красивые дорогие дома, все аккуратное, ухоженное. Дом, в котором вечеринка, можно узнать еще издали – все светится, льется музыка, слышен смех, много людей.

Когда выходим из машины, Артем подает мне руку и слишком долго задерживает мою ладонь в своей. Может, мне просто показалось. Хотя когда он пытается по-хозяйски прижать меня к своему боку, как Сергей прижимает Настю, я ускоряю шаг. Кажется, я слышу в спину: «Малолетка», но не планирую ему что-то доказывать.

Надеюсь, он не думал, что если подвез, то я буду рада с ним переспать? Судя по тому, что он не оставляет попыток обнять меня и облапать, наверное, все-таки думал. Но перебьется. К тому же на вечеринке много девчонок.

– Привет, Воронов. – Настя останавливается возле высокого светловолосого парня, целует воздух возле его щеки, когда он склоняется, и кивает на меня. – Моя подружка Анита.

Воронов окидывает меня взглядом и почему-то усмехается. А потом отворачивается к Насте, небрежно кивает на территорию возле дома, где тусуется молодежь:

– Веселись.

Снова бросает взгляд на меня и теряет интерес, когда я не подаю вида, что заметила его оговорку. Точнее, не оговорку, а то, что его предложение было адресовано одной Насте. С ребятами он знаком, они снова обмениваются новостями о людях, которых я не знаю и, честно говоря, не особо хочу узнать.

С первой же минуты такого приема я жалею о том, что пришла. Хозяин дома как-то почувствовал, понял, что я не из таких, как они. И подчеркнул, что мне здесь не место.

– Может, мне лучше уехать? – негромко спрашиваю у Насти.

– С ума сошла? – возмущается та. – У меня новая подружка, новые знакомства, я веселюсь! Мы не можем уйти! Ты же слышала, мы должны веселиться.

– Ты, – замечаю я. – И вряд ли твоему Максиму интересно, сколько у тебя подружек и появилась ли новая.

– Ничего ты не понимаешь в мужчинах, – фыркает Настя и, взяв меня за руку, тащит в сторону остальных.

Не то чтобы ничего, но действительно мало, поэтому снова молчу.

К тому же Настя не бросает меня одну. Знакомит с теми, кого знает или с кем хочет поговорить. И неприятный момент быстро рассеивается. Подумаешь, не понравилась хозяйину дома, зато остальные вполне дружелюбны.

Да и весело. Действительно весело. И коктейли здесь вкусные. Хотя мне хватает двух, чтобы остановиться, а Настя вроде бы и пила не больше меня, если даже не меньше, потому что постоянно с кем-то болтала, но как-то ее повело.

А еще потянуло на подвиги – танцевать у бассейна, потому что ди-джей такой симпатичный, крутая музыка и столько ребят хотят ее пригласить.

– Вот со всеми желающими перетанцую, тогда успокоюсь, – обещает она, когда я пытаюсь уговорить ее посидеть за столиком. – Только потанцую, Анит, ничего больше. Ему ничего не обломится. У меня на себя другие планы.

Это она старается говорить тихо, но получается скверно. Хотя Сергей, который стоит в паре шагов от нас, вроде бы действительно ничего не услышал. По крайней мере, танцевать с Настей не передумал.

Они теряются в группе танцующих, меня отвлекает кто-то из новых знакомых. Я даже прилично держусь, минут двадцать или пятнадцать делаю вид, что действительно понимаю разницу между одним и вторым брендом, которыми они восхищаются.

– Ну вот у тебя же платье из этой коллекции, – замечает одна из девушек. – Я тоже смотрела на него, а потом решила, что оно будет полнить. Как ты решилась его купить?

Смотрю на девушку – даже не верится, что она могла показаться мне милой. А сама вот так, на ходу, захотела укусить и затаилась, ожидая ответа.

– Подарили, – вру я. – Знали, что у меня с фигурой проблем никаких.

Мне все равно на обиженное фырканье. И на смешки второй девушки, которая услышала наш разговор. Осматриваюсь и не могу найти Настю. Не вижу ее ни среди танцующих, ни возле бассейна.

Не могла же она меня бросить здесь? Нет, не могла. Смутное беспокойство подталкивает к тому, чтобы начать ее поиски. Кручусь возле тех, кто танцует, – ночь, видно не так хорошо, хотя горят фонари и из дома льет свет. Обхожу вокруг дома, пару раз спрашиваю, не видел ли ее кто-нибудь, у тех, с кем она меня уже познакомила.

Мелькает мысль попросить Сергея или Артема, чтобы помогли найти ее. Но их тоже нигде нет. Я вообще их давно не видела или просто не обращала на них внимания. В последний раз Сергей танцевал с Настей, а потом...

Нет, не так. Они ушли танцевать. Но я не видела, чтобы они танцевали. Я просто не следила за ними.

Беспокойство стремительно нарастает. Пока для него нет причин, но когда я вспоминаю про мобильный, а Настя не отвечает...

Не знаю, что меня ведет в дом.

Может, интуиция.

Обхожу первый этаж: где-то целуются парочки, где-то смешивают коктейли, где-то курят какую-то гадость и ржут. Становится жутко.

Вокруг чужие.

Одни чужие, и Настя пропала.

А вместе с ней Сергей и Артем.

Нет, я не думаю, что сразу двое, но... я вообще не хочу думать, что они воспользовались ситуацией. Она ведь из их круга, и они были знакомы до этого дня, они не могли...

А ноги ведут уже на второй этаж.

И даже когда я убеждаю себя в том, что я просто накручиваю, что они не могли, что на самом деле все не так, как рисует мое воображение, меня начинает трясти так, что клцают зубы. Открываю дверь за дверью. В одной из пустующих комнат подхватываю зачем-то бутылку шампанского и продолжаю дальше идти уже с ней.

Сколько здесь комнат... как же их много...

Иду. Открываю одну за другой и иду.

Один раз приходится извиниться: там все в процессе, довольно активном, может быть, никто даже не заметил вторжения.

А вот у этой двери останавливаюсь в нерешительности. Почему-то очень боюсь, что она заперта, и тогда...

Сердце колотится так, что, когда я толкаю дверь и она с грохотом ударяется о стену, я этого не слышу. Застываю. Не понимая, что вижу. Почему-то я различаю только знакомую красную туфельку, которая стоит как-то криво у огромной кровати.

А потом смотрю на кровать...

– Настя... – выдыхаю испуганно.

Потому что я действительно вижу ее: глаза закрыты, помада смазана, руки закинута за голову, одна нога согнута, вторая просто отодвинута в сторону. Лиф платья стянута вниз, обнажая правую грудь.

Но она в одежде.

Можно считать, что в одежде, а это главное. Как и то, что Сергей и Артем, которые вальяжно разлеглись по обе стороны от нее, тоже еще до конца не разделись.

– Настя! – зову ее громче.

Не отвечает, не реагирует. Она не была так сильно пьяна, когда уходила. Взгляд выхватывает ее сумочку, которая свисает с тумбочки, два практически полных бокала, едва начатую бутылку...

– Захотела присоединиться? – слышу насмешливый голос с кровати.

Мне без разницы, кто это говорит. Они просто два отморозка. Два отморозка, которые или подпоили ее, или захотели воспользоваться ситуацией, причем оба. Меня тошнит только оттого, что я в одной комнате с ними.

И я так злюсь, что даже не различаю их. Одинаковые. Они одинаковые. Просто мерзкие твари, которые даже сейчас, когда я застала их, пытаются задрать платье на Насте повыше.

– Пошли вон! – цежу с ненавистью, которая их не пугает.

Не пугает ровно до тех пор, пока я не поднимаю бутылку вверх – так, будто в моих руках бита.

– Пошли вон!!! – ору так, что в горле начинает саднить.

А самое интересное не то, что они поднимаются и медленно, похабно усмехаясь, направляются к выходу. А то, что никто в этом чертовом доме не услышал моего крика. Или все сделали вид, что не услышали его.

– Она сама хотела развлечься, – бросает Сергей, равняясь со мной.

И улыбается, глядя в глаза.

Он улыбается, а я понимаю, что допустила ошибку, в ту же секунду, когда он прижимает меня к косяку двери и пытается втащить в комнату. Двор, дружба с мальчиками, несколько уроков дзюдо еще в подростковом возрасте – не знаю, что именно помогает не растеряться. Я пробую все. Бью в пах, не жалея. Со всей дури ударяю острым каблуком ему по ноге и давлю, давлю, пока он воеет, а потом сам не выпихивается из комнаты.

– Все-все, – когда я покрепче сжимаю бутылку, примирительно бормочет Артем. – Понятно, что ты развлечься не хочешь.

И выходит из комнаты, застегивая рубашку.

А я хлопаю дверь, нащупываю хлипкий замок и, сжимая бутылку, опускаюсь на пол. Меня колотит от ужаса и омерзения. Хочется уехать отсюда скорее, отмыться, забыть знакомство с высшим светом как страшный сон. В подворотне иногда как-то честнее: там хотя бы знаешь, чего можно ждать.

А здесь... отдохнули... повеселились...

Заставляю себя подняться. Дрожать, сидя у двери, – вариант не из лучших. Пытаюсь привести Настю в чувство – стонет, пытается проснуться, но получается слабо. Хорошо, что в этой комнате есть ванная, – набираю воду в бокал, возвращаюсь и опрыскиваю подругу. Несколько раз, потому что действительно помогает: постепенно приходит в себя. Но ее хватает только на то, чтобы понять, что это я, и выдавить:

– Тебе пиздец.

– Спасибо, дорогая подруга, – ворчу я.

Чтобы немного передохнуть, сажусь на кровать, начинаю искать в телефоне номер такси. За спиной слышится сдавленный смешок, возня, а потом снова голос Насти:

– Мой телефон... Позвони... Набери его...

– Макса?

Качает головой, тяжело вздыхает, снова закрывает глаза.

Так, ладно. Решаю взять ее телефон и дать ей – пусть сама звонит кому хочет. Но когда я вновь приближаюсь к кровати, Настя уже крепко спит.

Ох ты...

Даже если вызвать такси, вряд ли водитель захочет ее нести. Да у меня и денег столько с собой нет. А просить кого-то из гостей вечеринки...

Кручу в руках телефон Насти, а потом решаю просмотреть ее контакты. Может, все-таки позвонить ее Максиму? Ну расстались, подумаешь. Мужчины любят спасать девушек в беде. Может, он даже обрадуется.

Но я не успеваю найти его номер, потому что замечаю список последних вызовов, и один из абонентов именно тот, которому Настя просила меня позвонить.

Как я его узнаю?

Легко.

Он так и забит: «Тебе пиздец».

Все же нужно было внять этому предупреждению.

А я нажимаю на вызов.

Глава 5. Анита, прошлое, 8 лет назад

Я совершенно не представляю, что говорить и как обращаться к этому абоненту, не успеваю придумать, когда всего после двух гудков он неожиданно отвечает:

– Да?

Голос настолько резкий и недовольный, что я еще больше теряюсь.

– Где ты? – звучит новый вопрос.

Не более дружелюбно, чем раньше, поэтому у меня мелькает сомнение, что позвонить этому абоненту было разумным решением. Но сегодня, видимо, день такой: все против логики. И наша поездка сюда, и то, что двое на первый взгляд адекватных ребят оказались с Настей в одной кровати, и то, что я не сбрасываю звонок, а все-таки отвечаю, хотя от голоса мужчины мне хочется съежиться.

– Добрый день. Настя попросила, чтобы я вас набрала...

– Где она? Почему звонишь ты?

– Она спит, – обернувшись к подруге и убедившись, что это действительно так, отвечаю уже уверенней. – Мы приехали на вечеринку к Воронову... Имени его я не знаю. Не знаю, почему Настя просила набрать именно вас. Извините, если зря беспокою, и...

Я слышу тяжелый вздох, какой-то треск, будто с силой захлопывается дверь, а потом отрывистое обещание:

– Я скоро буду.

– Правда? Спасибо! Мы на втором этаже! – торопливо перечисляю, потому что кажется, что он вот-вот бросит трубку.

– Вечеринка закончилась?

– Нет. – Прислушиваюсь к звукам музыки и повторяю уверенней: – Нет, но мы в комнате. Самой последней.

– Буду минут через двадцать.

На этот раз он действительно бросает трубку, хотя мне кажется, я успеваю услышать писк сигнализации от машины.

Ну все, будем ждать.

Поправляю одежду на Насте, достав из сумочки салфетки, стираю с ее губ размазанную помаду. Пытаюсь привести ее в чувство, но она отмахивается и просит дать досмотреть ей какой-то удивительный сон.

Оставляю ее в покое.

Двадцать минут – это недолго, но я то и дело кошусь на дверь. Почему-то кажется, что ее в любую минуту могут начать взламывать. И что когда они войдут, отбиться уже не получится. Это первый раз мне удалось просто чудом. А сейчас адреналин схлынул, я перенервничала, устала, туфли жмут, платье навязчиво липнет к телу, бутылку я оставила возле двери, Настя все еще спит.

Я так накручиваю себя, что дергаюсь, когда ручка двери проворачивается, а потом кто-то стучит. Приближаюсь к двери на цыпочках, чтобы не было слышно шагов. Хотя какие шаги – вечеринка же...

Только успеваю подумать об этом, как стук повторяется, а я понимаю, что он раздается не под звуки музыки, а в оглушительной тишине.

– Кто там? – решаю подать голос, потому что этот стук более нетерпеливый, чем первый.

– Тимур. Открой дверь.

Какой еще Тимур? Только какого-то Тимура здесь не хватало.

– Не могу, – нервно сглатываю. – Я... не одета!

– Только не говори, что тоже решила поспать и мне придется тащить на себе сразу двоих.

Недовольство в голосе мужчины настолько явное, что я наконец-то его узнаю. Нет, я бы, возможно и переспросила: а точно ли это он? Но вряд ли он в курсе, как записан в телефоне у Насти.

Будем считать, что проверку прошел.

Распахиваю дверь и делаю шаг назад – под натиском взгляда, которым меня окидывает незнакомец. Долго на мне не задерживается – будто выхватывает детали. Когда переводит взгляд на Настю, я облегченно выдыхаю. И, наверное, слишком громко, потому что мужчина вновь смотрит на меня.

На этот раз пристальней.

Гораздо пристальней.

Скрещиваю на груди руки, буквально заставляю себя не опускать взгляд, хотя очень хочется.

Он не страшный. Отнюдь. Но почему-то пугает, с ним неуютно. Не знаю почему, это ведь знакомый Насте, и он пришел нам на помощь, но мне хочется не просто сжаться, когда я лишь слышала голос. От этого холодного взгляда хочется спрятаться.

Не знаю, сколько бы продолжалась эта странная пытка, когда он смотрит, а я пытаюсь сделать вид, что мне все равно, если бы Настя не застонала. Мужчина тут же теряет ко мне интерес, подходит к кровати, подхватывает мою подругу на руки и направляется на выход.

Уже в дверях оборачивается.

– Ты остаешься?

И я словно сбрасываю странное оцепенение. Ожесточенно машу головой, подхватываю Настину сумочку и спешу за ним следом. Действительно приходится торопиться, потому что, несмотря на ношу, он идет очень быстро. А у меня каблуки и узкое платье. Со стороны, наверное, выглядит так, будто я не иду, а бегу, но без разницы.

А вскоре понимаю, что никто и не смотрит.

В доме по-прежнему тихо, только в одной из комнат поскрипывает кровать, а музыки больше нет. Мы так быстро передвигаемся, что я лишь мельком успеваю заметить, что гости остались, но в меньшем количестве, и они сгруппировались возле столиков у бассейна и бара. Милая, спокойная вечеринка.

Сергея и Артема не вижу, и к лучшему. Может, как раз они и заняли ту соседнюю комнату?

Морщусь от этих мыслей, и снова наталкиваюсь на взгляд мужчины.

– Открой дверь, – говорит он.

Не просит. Скорее отдает распоряжение, не сомневаясь, что оно будет выполнено. Но заводить разговор о манерах не собираюсь. Открываю дверь черного джипа, смотрю, как Тимур укладывает Настю на заднее сиденье, обходит машину, открывает дверь со стороны водителя.

– Кого-то ждешь? – интересуется он, наблюдая за тем, как я топчусь на том же месте, у задней двери.

Нет, это не похоже на приглашение, но я воспринимаю его именно так. Открываю переднюю дверь и поспешно ныряю в салон.

Только через несколько минут, когда позади остаются огни этого дома и машина уже уверенно движется в сторону выезда из поселка, меня отпускает. Начинаю различать приятные древесные ноты, которыми пропитан салон, выпрямляю ноги, чтобы было удобней сидеть, перестаю сжимать в пальцах сумочку Насти и просто кладу ее рядом с собой.

Повернув голову, смотрю на мужчину.

Ему лет тридцать, черные короткие волосы, сосредоточенный взгляд устремлен на дорогу, и к лучшему. Такое ощущение, что рубашка застегнута наспех: слишком много вверху осталось свободных пуговиц. Или ему так удобно? Но даже белый цвет рубашки не делает черты мужчины хотя бы чуть мягче, нежнее.

Рука уверенно сжимает руль, он выглядит настолько спокойным и безразличным, будто уже для себя все решил. А я понятия не имею ни кто он, ни куда мы едем – а вдруг он везет нас к себе?

– Вы ведь знаете, где живет Настя?

Она так долго молчит, что я уже думаю: не ответит.

– Более того, – говорит наконец, – я именно туда направляюсь.

– Спасибо! Я думала вызвать такси, но...

– Давай-ка, пока мы едем, – перебивает меня, – ты расскажешь, кто ты, что было на вечеринке и почему на тебе Настино платье.

Я послушно киваю, пока он перечисляет: это ведь справедливо, что он хочет узнать. А когда он доходит до платья...

Становится неприятно. Как будто я взяла его самовольно, напаялила на себя, а подруга даже не в курсе. А еще я понимаю – наверное, понимаю, – почему меня так рассматривал Воронов и почему усмехался.

Он тоже понял, что на мне чужая одежда.

Но я сама виновата: сама согласилась. Поэтому заталкиваю обиду поглубже и сухо начинаю излагать факты. Сбиваюсь, только когда дохожу до событий в доме. Потому что вопросы начинают сыпаться один за другим, и чем их становится больше, тем меньше я уверена в том, что могло там произойти.

– Туфли... одежда смята... их двое... помада... хотели и мне предложить... отбилась довольно легко... больше не приходили... не знаю, все-таки они из одного социального круга...

– Хватит, – перебивает мои сбивчивые показания мужчина. – Я понял.

– Правда?

Нет, ну даже я уже сомневаюсь, что правильно все поняла.

Но, к моему удивлению, он согласно кивает.

За разговором я даже не заметила, что мы уже подъезжаем к дому Насти. Оглядываюсь на подругу: ключи в ее сумочке, не хотелось бы лезть в нее без хозяйки. Но машина у ворот не задерживается.

Едва мы приближаемся, Тимур шелкает брелоком, и ворота приветливо распахиваются. Не замечая моего изумления, он загоняет машину во двор, открывает дверь, берет Настю на руки и идет к дому.

Через пару шагов замедляется, и я понимаю без слов. Да, это тоже не приглашение, но я иду следом за ним.

А у двери мы останавливаемся.

Я смотрю на него, он на меня, и оба мы явно чего-то ждем друг от друга.

– Ключи от дома есть в сумке Насти и у меня в кармане. Выбери, какой способ выпасть из зоны комфорта тебе нравится больше.

Пробегаюсь взглядом по его рубашке – а она без карманов! Опускаю взгляд вниз – да, карманы там есть, и, кажется, я даже вижу ключи, но у него такие узкие джинсы...

Вздыхнув, открываю сумочку Насти.

– Забавно, – слышу над собой комментарий.

И что это значит?

Не отвлекаюсь, занята, открываю дверь.

Пропускаю Тимура первым – Настя, конечно, стройная, но вряд ли ему удобно ее держать. Он уверенно проходит в дом, а я тоже захожу, но останавливаюсь в прихожей. Потом усаживаюсь на пуфик, вытягиваю ноги, пусть чуть отдохнут. Наверное, надо убедиться, что с Настей все в порядке, и вызвать такси. Или лучше вызвать сейчас: пока машина доедет...

За этими размышлениями меня и застает Тимур. Останавливается в паре шагов от меня, смотрит на телефон в моих руках, на сумочку Насти, которую я тут же кладу на тумбочку, и почему-то снова на платье.

Ах, да, платье! Совершенно забыла, что его нужно снять и вернуть хозяйке. Так что такси вызову все же чуть позже.

– Как она? – нарушаю тишину, потому что мне не особо нравится затянувшееся молчание.

Оно как-то давит. Неуютно. Может быть, потому, что я успела рассказать в двух словах о себе, но понятия не имею, кто этот мужчина.

– Спит, – отвечает он. – Но это продлится недолго.

– Почему?

– Потому что ты понятия не имеешь, принимала ли она что-нибудь. Я имею в виду, помимо спиртного. А я не хочу рисковать.

– А для вас это важно?

Впервые я вижу какой-то отблеск эмоций на его лице: губы чуть кривятся в усмешке.

– Так получилось, что да.

И молчит. Мой расчет, что он сам расскажет о себе и об отношениях с Настей, с треском проваливается. Он явно не спешит облегчать мне задачу.

– Можно узнать, кем вы ей приходитеесь?

Смотрит с таким сомнением, будто его плакаты развешаны по всему городу и я единственная не признала в нем рок-звезду. А потом все-таки просвещает:

– Братом.

Услышав какой-то треск, вполне допускаю мысль, что это могла быть моя челюсть. Даже несмотря на то, что у моих ног оказывается сумочка Насти, которая до этого лежала на тумбочке.

Но мое удивление объяснимо. За месяц, что мы сблизилась с Настей, она ни разу не обмолвилась, что у нее есть брат. К тому же они с ней не похожи. Разве что цветом волос. А так у нее черты лица мягкие, сама она напоминает игривую кошечку. А ее брат... Такое ощущение, что одного из них подменили в роддоме.

Но сильнее всего меня поражает другое – ник, под которым он забит у сестры в телефоне.

– Сводным братом? – хватаюсь хоть за какое-то объяснение.

– Если наш отец постарался, сводный тоже вполне может быть. Но пока я об этом не слышал.

– Понятно, – киваю, делая вид, что новость меня не сразила. Не мое дело, какие у них отношения и почему Настя в телефоне назвала его именно так. – Это хорошо. Теперь я с чистой совестью могу ехать домой.

– Где ты живешь?

– В городе.

– В общежитии?

– Нет.

Нетрудно догадаться, почему он предположил, что я живу в общежитии. Невольно сжимаю пальцами подол платья. Скорей бы избавиться от него...

– Если о тебе кто-то волнуется, лучше позвони и предупреди, что ты не придешь ночевать.

Удивленно смотрю на мужчину.

Вздыхает, как будто в сотый раз напоминает нашкодившему котенку, где еда, а где лоток для него.

– Вряд ли, собираясь так далеко на вечеринку, ты планировала возвращаться в город. За руль я сегодня садиться уже не хочу, а в такси тебя одну тоже не отпущу. Останешься на ночь здесь.

Предложение кажется разумным. К тому же он угадал. Я действительно собиралась остаться.

– Спасибо, что...

– В доме комнат хватает, – прерывает меня.

Он уходит.

Я слышу, как в гостиной он говорит с кем-то по телефону, просит приехать. Кого и зачем – не знаю, не вслушиваюсь.

Понимаю, что лучше остаться. Действительно лучше: и экономия, и ночью в такси ехать не так спокойно, как днем. Тем более после событий на вечеринке – увиденная картина все еще стоит перед глазами. Слишком живая, реальная, отвратительная, чтобы так быстро забыться.

А с другой стороны, хочется уехать.

Знаю, эмоции. Просто мне тяжело находиться рядом с человеком, которому я так явно не нравлюсь. И не хочется с ним соглашаться. Даже если этот человек в чем-то прав.

Здравый смысл побеждает.

Отгалкиваю обиду, снимаю туфли и тут же все прощаю хозяину дома. Прохлада пола так приятна для уставших стоп, это просто блаженство. Немного отдохнув, направляюсь в гостиную.

То, что в доме комнат хватает, понятно. Но мне бы хотелось узнать, какую можно занять? А то вдруг я выберу его комнату. Он спать явно не собирается, а меня уже начинает клонить в сон. Придет и вряд ли обрадуется такому сюрпризу в кровати.

Видимо, почувствовав мое присутствие, он оборачивается, и не уйдешь ведь, хотя мне и не нравится его взгляд. Терпеливо жду.

– Какую комнату мне можно занять? – спрашиваю, когда он заканчивает разговор.

– Где Настина, ты знаешь. Моя последняя.

– То есть любую из тех, что свободны?

Видимо, он принимает мой вопрос за риторический, потому что молчит. Ну ладно, пусть так. Куда идти не стоит, я уже поняла, это самое главное.

Отворачиваюсь, делаю шаг и вдруг слышу:

– Возьми в комнате Насти какую-то одежду или банный халат. Только сними наконец это платье. Не стоит примерять на себя чужой образ, даже если он кажется идеальным.

Глава 6. Анита, прошлое, 8 лет назад

Я ступаю бесшумно, и Настя не просыпается, пока я забираю свое платье и заимствую у нее безразмерную футболку. Надеюсь, хоть она не стоит бешеных денег.

Комнату не выбираю, просто захожу в ту, что рядом с ее. Я же здесь не собираюсь гостить – мне бы подошла даже маленькая, без окон. Лишь бы в ней была дверь, за которой можно спрятаться.

Я держусь, пока осваиваю временное пристанище: большая кровать, серо-белые тона. Красиво, стильно. Держусь, пока вожусь с постельным, которое нахожу в шкафу, – пахнет свежестью, облаками. Не знаю, почему ассоциация с облаками, – быть может, потому, что мне катастрофически не хватает кислорода. Держусь, пока звоню родителям и сообщаю, что буду завтра. А вот когда уже все самое главное сделано и можно расслабиться, захожу в ванную, снимаю с себя платье и меня прорывает.

Слезы катятся – крупные, соленые, упрямо ползущие по губам. Стираю их ладонью, не заботясь о том, что помада размажется. Какая разница? Уже все равно. И так даже лучше, потому что помада тоже Настина – не моя.

Яркая, красная, она так подходила под мой образ в этом дизайнерском платье...

Чужой образ...

Ну да, мне примерять такой не пристало.

В сотый раз прокручиваю слова брата Насти, в сотый раз перед глазами ухмылка хозяина вечеринки, и в сотый раз стираю мокрые дорожки, которые все ползут и ползут.

Пытаюсь успокоиться – не могу. В мыслях проносится весь вечер: мои ожидания, то, как я кручусь у зеркала, новые знакомые, дорогая машина, красная туфелька у кровати, взгляд Тимура...

От его взгляда холодно даже сейчас, когда его рядом нет, я одна. И даже когда я захожу в душевую кабинку и включаю горячую воду. Огненные струи не согревают, они лишь маскировка для слез.

Я могла бы сказать ему, что подруги иногда меняются одеждой. Но это не тот вариант: Настя вряд ли согласится надеть что-нибудь из моей. Не могу ее в этом даже представить. Я могла бы сказать, что на платье, которое я надела, настояла именно Настя. Но я ведь с ней согласилась, я тоже думала, что так выгляжу лучше.

Может, и лучше. Но не такой, как она.

Я могла бы сказать ему хоть что-нибудь, но я промолчала. Потому что он прав. Платьем себя не изменишь.

Они ведь сразу увидели...

Не такая...

Не из таких...

Душ все-таки помогает, или снова накатила такая усталость, что на слезы, переживания не остается ни сил, ни эмоций. Слышу за дверью приглушенные мужские голоса, но не выхожу: без разницы, кто там. Даже если гости и поздние, они не ко мне. Открываю окно, впуская запах ночи и теплого ветра, и забираюсь в кровать.

Отключаюсь мгновенно.

И кажется, всего через доли секунды просыпаюсь из-за того, что кто-то пытается устроиться в этой же кровати, рядом со мной. Дышит, вздыхает и громко сопит прямо в спину. Притворяюсь, что сплю, а сама уже медленно вытягиваю ноги из-под покрывала, чтобы, если что...

– Ну все, хватит притворяться, – слышу обиженный голос Насти. – Я же вижу, что ты уже проснулась!

Каюсь, впервые я была настолько рада видеть подругу. Даже с учетом, что она меня разбудила.

– Анита, – тормошит меня за руку, заставляя к себе обернуться, – ну хватит спать, серьезно. Я тут такие страдания перенесла, такие муки, а еще ты бессердечная. А мне, между прочим, нужна твоя помощь!

– Опять кофе сварить? – интересуюсь, зевая.

– А, нет, – отказывается она. – Для этого пустяка у нас есть кофемашина.

Ей удастся добиться своего, теперь я к ней все-таки разворачиваюсь. И просто смотрю. Без слов. Без вопроса, который повис: «Если это пустяк и ее устраивает вкус кофе из кофемашины, зачем я вчера делала для нее кофе три раза?»

– Нет, ну... – ей все же хватает совести немного смутиться. – Мне просто никто не готовил кофе. Вот специально для меня. Все как-то нажал – получил. А так, чтобы кто-то старался, еще и, как ты, подходил к этому делу с фантазией...

– Помолчи, – прошу ее. – Не хочу случайно узнать, сколько лет у вас простоял тот кофе, который мы вчера пили. У вас ведь в кофемашине капсулы? И кофемашина давно?

Надо отдать Насте должное. Чтобы меня не расстраивать, она даже прикусывает губу и молчит. Но взгляд...

– Начинаю подозревать, из-за чего тебе было плохо на вечеринке, – бормочу я.

Она смеется.

– Да шучу я, шучу, – признается потом. – Тебя так весело разводить, ты такая доверчивая. Кофе привез Тимур. Он часто его привозит из поездок, как будто у него есть время его готовить.

– Тимур? – переспрашиваю непонимающе.

– Мой брат.

– Хм, а я думала, его зовут по-другому.

– Это я его так зову, – хохочет, а потом понижает голос до шепота. – И то про себя и в особых случаях. Обычно как раз, когда пользуюсь этим номером. Это же когда другой номер он отключает и с ним связаться нельзя, а что-то прям срочное.

Настя хихикает, мало напоминая девушку, которая вчера могла стать жертвой насилия. Хотя логично, она же не в курсе.

– Если бы ты знала, что он после этого мне устраивает, ты бы меня поняла, – тяжело вздыхает подруга. – Вот даже вчера... Пока ты спала, он вызвал врача. Я спать хочу, отмахиваюсь, а тот все проверяет, обследует, потом вставил в меня большую иглу и прицепил капельницу! И Тимур полночи стоял над головой. Кошмар!

Тут я с ней соглашаюсь. Если бы он вдруг стоял надой мной, даже не полночи, а пару минут, я бы тоже подумала, что это кошмар.

– А потом... – заговорщически продолжает Настя, наклоняясь ближе ко мне. – Это я вот уже утром узнала, от Воронова... Он же там устроил настоящий пиздец!

– Воронов?

– Мой брат. Он же выяснил, что на вечеринке было не только спиртное, ну и... Ух, Воронов в шоке, звонил мне, каялся.

– То есть, – доходит до меня, – тебе все-таки что-то подсыпали вчера?

Настя оглядывается на дверь, а убедившись, что мы по-прежнему только вдвоем, признается:

– Нет, сама захотела попробовать. Думала: расслаблюсь, перестану думать о Максе...

Сочувственно сжимаю ее ладонь – да уж, одна маленькая ошибка могла перерасти в две большие.

– Слушай, Анит, – Настя снова оглядывается на дверь. – А правда, что если бы не ты, у меня был бы секс сразу с двумя?

– Как знать, – задумываюсь, подбирая помягче слова. – Может, не сразу с двумя. Может, по очереди. А ты вообще ничего не помнишь?

– Да так, смутно, – расстраивается она. – Прикинь, такое приключение, такой опыт, а я могла тупо проспаться!

Я настолько в шоке, что слов нет, просто нет. Смотрю на нее и молчу.

– Ой, не могу! – вновь хохочет она, заливисто, громко. – Ты такая смешная! Совсем как Тимур!

– Вот уж где сходства я совсем не заметила.

– Да в том смысле, что такая же серьезная. И правильная. И вообще, с вами так забавно.

Даже эта интерпретация нашего сходства меня не устраивает. Мне с ее братом было далеко не забавно.

– А вообще, – подмигивает подруга, – если бы без всей этой расслабляющей чуши... и если бы у меня не было серьезных планов на Макса...

Она вдруг подскакивает с кровати и начинает тянуть меня за руку.

– Да поняла, поняла, – нехотя оставляю подушку, – погостили – и хватит.

– Ага, щаз! – возмущается Настя. – Мне ее помощь нужна, а она сбежать собирается! Да-да, не смотри так. Я, между прочим, пока ты спала, взбучку от Тимура выдержала в одиночестве, а он же хотел, чтобы мы обе прониклись. Так что ты мне должна.

Да, я должна была догадаться, что благодарность – это не их семейная традиция. Но взбучка? Seriously? С меня хватило одной.

– Нет, ну... – внимательно посмотрев на меня, идет на попятную подруга. – Хорошо, пусть не в долг. Пусть наоборот. Сделай мне одолжение. Я же чего тебя разбудила? Тут Воронов звонил, извинялся... Это я уже говорила. Так вот, когда он спросил, как может загладить свою вину, я намекнула про Макса. Воронов ему позвонил, сказал, что мне было плохо на вечеринке, что Тимур вынес меня на руках, а потом даже приезжала скорая и хотела меня госпитализировать...

Машет рукой еще до того, как я успеваю выразить удивление.

– Конечно, врач – знакомый Тимура и никуда меня увозить не собирались. Но Макс проникся этой историей, и представляешь... Позвонил, услышал мой измученный голос и сказал, что заедет. Как только он появится, я сразу же лягу в кровать, буду изображать, как мне плохо... Он наклонится, чтобы послушать, дышу ли я, бьется ли еще мое растерзанное разрывом с ним сердце, и...

– А моя роль какая? – зеваю от романтических сказок. – Подпереть дверь в твою комнату и не выпускать его, пока он не проверит, шевелятся ли на ногах твои пальчики и так ли высоко вздымается грудь, как положено?

– Хорошая идея, – соглашается Настя. – Но ты его не удержишь. Он гораздо сильнее. Надеюсь, у меня получится задержать его в комнате женской хитростью и своим обаянием. Хотя бы на полчаса. А у тебя вообще пустяковая роль!

Ой, что-то мне это не нравится...

И не зря.

– Он мотается по делам с другом, с ним и заедет. А на фига мне его друг у кровати? Так вот, этот друг на тебе. Отвлечешь его, заинтересуешь, влюбишь в себя – что угодно. Главное, чтобы он не мешался у меня под ногами. Справишься?

– Еще бы, – киваю с энтузиазмом. – Всегда мечтала попробовать побыть запасной и влюбить в себя парня за тридцать минут.

– Ну вот и договорились!

Сделав вид, что не понимает сарказма, Настя тут же торопится к двери. Потом замечает свое платье.

– Слушай...

– Нет! – отказываюсь от предложения, еще не дослушав. – Хватит с меня!

Может, говорю даже чуть резче, чем сама бы хотела. Но еще одно ее платье я точно на себя не надену.

Настя подхватывает свое платье, оборачивается, и вот теперь я замечаю сходство с ее старшим братом. Сейчас у нее такой же пронзительный взгляд. Я ничего ей не поясню, она все понимает сама.

– Это он мне его купил. Можно сказать, что я его наняла. А потом долго крутилась перед ним, чтобы доказать, что он не зря так потратился, – она вздыхает. – Он не злой, Анит. Он и сам скоро поймет, что ты не из тех, кто притворяется моей подружкой, чтобы залезть к нему в койку.

Я слышу какой-то звук, и да, снова вполне допускаю мысль, что это моя челюсть, если бы не подушка, перебравшаяся на пол.

– Кстати, – заговорщически улыбается Настя, – он легче соображает под кофе.

Она уходит.

А я в такой же растерянности, как и подушка, которая внезапно оказалась не на своем месте и понятия не имеет, как вернуться обратно.

То есть вчера он мог подумать, что я... к нему... И эти его слова про ключи... И когда я спрашивала, какую мне выбрать комнату, а он сказал, где находится комната Насти и зачем-то – его...

Это была проверка?

Или он и правда был настолько уверен, что я вошла в их дом ради него, и просто подсказывал, где его можно найти этой ночью?

Глава 7. Анита, прошлое, 8 лет назад

Последняя мысль настолько абсурдна, что я легко от нее избавляюсь. Он не похож на мужчину, которому недостает женского внимания и который был бы рад провести ночь с первой встречной.

А если проверка, он тоже может быть спокоен: я не собираюсь на него посягать. Ну и чтобы он точно понял, что в мои планы это не входит, я обхожусь вообще без косметики. С красной помадой я точно уже завязала, но пудру, блеск, тушь и карандаш тоже не трогаю. Надеваю свое платье.

Да, не такое красивое, как у Насти, – спокойного фиолетового цвета, совершенно простое, удобное, если не считать бретелек, которые то и дело пытаются сползти по плечам. Говорила маме, что нужно было их перекрестить на спине, но она настояла на этом варианте. А я согласилась, так что молчу.

Ничего не имею против, но этот трюк смотрится кокетливо, а мне не хочется снова скомпрометировать себя перед хозяином дома.

Мне и видеть его не хочется, и я очень надеюсь, что он куда-то уехал. Или занят делами – мужчины при деньгах много работают. Положившись на удачу, выхожу из комнаты, и мне и правда везет. Я не вижу и не слышу Тимура.

– Ой, все, приехали! – выглядывает из своей комнаты Настя. – Давай, подруга, не подведи!

И прячется обратно.

Мне что, их встречать? Пока стою в растерянности, слышу звонок в дверь. Но не слышу, чтобы кто-нибудь спешил открывать.

Надеюсь, ничего страшного, что это сделаю я? Не подумают некоторые, что я уже примеряю на себя роль хозяйки?

Спускаюсь со второго этажа тоже без приключений и уже в более приподнятом настроении: его все-таки нет! Открываю дверь и вижу перед собой двух ребят. Навскидку им около двадцати, может, чуть больше. Также симпатичные, как и вчерашние знакомые, – вот где нужно пасть рекламным агентам. Тут каждого встречного можно хватать и делать моделью.

Хотя вряд ли они согласятся. Что-то мне подсказывает, что несмотря на обманчиво простую одежду – рубашка, джинсы, кроссовки – это стоит куда дороже, чем возможный заработок от хождения по подиуму или позирования для обложек журналов.

– Добрый день, – говорю первая и отступаю, чтобы они могли войти.

– Вау! – Один из них расплывается в шкодливой улыбке. – А ты не говорил, что у Насти такая симпатичная горничная!

– У нее нет горничной, – взглянув на меня, говорит второй парень и представляется. – Я Макс.

– Анита.

– Так ты Настина подруга? – встречается первый. – Также приехала ее провести?

– Да. И нет, я здесь ночевала.

Пока первый парень строит рожицы – мол, и как это разгадать: и да, и нет, и все сразу, и почему ночевала, – я рассматриваю второго.

Ага, так вот он какой!

Ну да, понимаю подругу. Хорош собой, но это и про его приятеля можно сказать. Шатен, синие глаза – красивое сочетание. Тут дело в другом: он как-то располагает к себе, от него не тянет закрыться. А может, причина в том, что он не пытается прочертить какие-то социальные линии, как Воронов или второй гость, пока безымянный.

И мне его развлекать...

– Олег, – заметив мой взгляд, наконец представляется он, косится в сторону лестницы. – Ну что, идем смотреть на страдалицу?

Макс кивает и уверенно направляется к лестнице. Сразу видно, что он хорошо знает расположение комнат. А когда за ним направляется и второй, я его окликаю:

– Олег, может, пусть сами поговорят? – Добившись того, что он тормозит, предлагаю: – Хочешь кофе?

– Почему нет? – проводив взглядом друга, легко соглашается он.

Я веду его на просторную кухню. Он размещается за столом, а я привычно достаю турку, кофе, а потом спохватываюсь.

– Может, ты любишь кофе из кофемашины?

– Да мне любой, – улыбается он довольным котом. – Не суетись особо, давай лучше садись, поболтаем.

– Любишь поговорить?

– С красивой девушкой – почему нет?

Я вижу, как он на меня смотрит – не смотрит, рассматривает. Ну и флирт трудно не заметить. Хотя да, раз не горничная...

Я все-таки решаю сварить кофе, так он мне кажется более вкусным. Тем более что сорт, который привез хозяин дома, и правда хорош. У меня от одного запаха легкое головокружение.

Пока вожусь у плиты, болтаем с Олегом. Так, как он и хотел, – просто, о пустяках: где учусь, давно ли знакома с Настей, почему до сих пор с ним не встречались. Но здесь ответить несложно: я впервые пошла с подругой на вечеринку.

– Слушай, – восклицает гость, когда я ставлю на стол перед ним чашку с кофе, – а правда, что, когда Насте стало плохо и она почти теряла сознание, она все повторяла и повторяла имя Макса?

Вовремя я отворачиваюсь к плите, чтобы сделать кофе и для себя, а то бы точно спалилась.

– Откуда эта информация? – стараюсь не улыбаться, но получается плохо.

Настя, Настя, как разукрасит...

– Воронов Максусу сказал. Сказал, что как услышал, сам обалдел, проникся и решил сообщить. Мол, такая любовь, вдруг опять все получится. Он очень упрямый.

– Вот видишь, как хорошо, что ты с ним не поднялся! Может, и правда...

– Да нет, – не соглашается Олег. – Макс если что решил, бесполезно надеяться, что передумает.

Голос парня почему-то звучит уже куда ближе, чем раньше. Поворачиваю голову, а он стоит у меня за спиной. Причем так стоит, что еще шаг – и у меня не будет маневра. С одной стороны – столешница, с другой – он.

Неуютно так, разворачиваюсь, делаю вид, что мне нужно отойти, но он делает вид, что намек не понимает.

Смотрит пристально, улыбается, а потом поднимает руку и прикасается к моему лицу. Прежде чем я успеваю как-то отреагировать, отводит мне за ухо прядь волос.

– Показалось, что мешает, – поясняет с улыбкой.

Но руку убирать не торопится, даже когда я отвожу его пальцы, он обхватывает мою ладонь.

– Такая хрупкая, – говорит удивленно, как будто до этого ему приходилось держать в руках только лапы слона.

Так избито...

– У тебя какой план? – спрашиваю его напрямую. – Переспать на первом свидании, на втором или вообще обойтись без него? Все, что я могу предложить, – это кофе.

Улыбается, ничуть не расстроившись из-за того, что разоблачен.

Пытаюсь выдернуть руку из захвата – не позволяет. Вместо этого подносит ее к губам, смотрит проникновенно в глаза и с придыханием шепчет:

– Спасибо за изумительный кофе.

– Который ты не допил.

– Люблю растягивать удовольствие, – играет бровями.

А мне становится так смешно. Интересно, другие на это ведутся? Шепот, трогательный поцелуй руки, мечтательный взгляд, как будто он всю жизнь искал только тебя и вдруг повезло.

Качнув головой, улыбаюсь – не могу удержаться. А потом мой взгляд соскальзывает в сторону, и...

Застываю, как и моя улыбка.

В проеме двери, прислонившись к косяку и скрестив на груди руки, стоит хозяин этого дома. Не знаю, как давно он стоит и что успел надумать себе, но взгляд его мне не нравится. Сегодня не нравится даже больше, чем вчера.

Он давит. И я почему-то чувствую себя так, будто и правда делаю что-то неприличное, а он меня за этим застал.

– Хотите кофе? – выпаливаю прежде, чем осознаю, кому предлагаю.

Он – хозяин дома, кофе его, ему вообще может не нравиться то, что я на его кухне. Неловкость сбивает Олег.

– Привет, Тимур. – Подойдя к нему, пожимает руку, садится за стол, кивает на меня. – А вы что, на «вы»?

– Мы только вчера познакомились, – поясняю ему и отворачиваюсь к турке, которая уже шипением требует внимания.

– А мы с тобой только сегодня, и что? – хмыкает Олег.

Переливаю кофе в чашку и нахожу другой аргумент:

– Еще разница в возрасте. Я всегда так обращаюсь к людям, которые значительно старше меня.

Даже если они мне «тыкают» с первой минуты знакомства и вместо просьбы отдают распоряжения. Но об этом, конечно, молчу. Ужасно не хочется оборачиваться, потому что Тимур все еще здесь. Молчит, никак не комментируя мои объяснения. Но продолжает смотреть на меня так пристально, будто чего-то ждет.

Чувствую его взгляд на себе. Мне даже смотреть не нужно, чтобы знать точно: его взгляд ползет по моей открытой спине, поднимается к плечам, застывает там, а потом соскальзывает вниз, вместе с бретелькой. А когда я ее поправляю, вновь поднимается и... снова соскальзывает.

Начинает покалывать шею – так явственно, будто кто-то к ней прикасается маленькими иголочками.

– Да какая у вас разница в возрасте? – удивляется Олег. – Тимур у всего двадцать семь.

Пожимаю плечами, падает вторая бретелька, но я уже не поправляю ее. Пусть – за платье не переживаю, оно плотно сидит, и покрой такой, что не спадет точно. Просто... может, теперь, когда следить не за чем, он перестанет смотреть?

Шею начинает покалывать – как будто к коже кто-то прикасается маленькой острой иголкой. Хочу обернуться, но...

Мужская рука задевает мое плечо, опускается ниже, будто позволяя себя рассмотреть, – загорелая, сильная, с заметно проступающими венами, создающими свой неповторимый рисунок. На запястье часы с черным циферблатом, а под ними как будто... какой-то узор?

Рассмотреть не выходит. Мужская рука уверенно подхватывает чашку со свежесваренным кофе и удаляется.

Моим кофе, вернее... его.

Моего же здесь ничего нет.

Тимур не садится за стол. Остается стоять у столешницы, не очень активно общается с Олегом насчет какого-то строительного проекта. Кажется, в каком-то поселке планируют построить коттеджи, но меня это не сильно волнует. А то, что они заняты, хорошо, я спокойно варю себе еще кофе.

И даже успеваю сделать глоток, когда на кухню заходят Макс и Настя. Подруга довольной не выглядит. Или все еще играет роль пострадавшей, или ее бывший так и не захотел сменить статус.

Жаль. Они хорошо смотрятся вместе.

Да, кто бы тогда мог подумать, что я примеряю к другой мужчине, который станет мне мужем?

Глава 8. Анита, настоящее

Воспоминания нахлынули таким сильным потоком, что слегка выбили меня из реальности. Мне нужно немного времени, чтобы прийти в себя, чтобы прочертить жирную линию между прошлым и настоящим, и я отлучаюсь в уборную.

Несколько минут, больше не надо.

Склоняюсь над умывальником, уже зачерпываю воду в ладони, а потом вспоминаю, что у меня на лице пудра и останутся пятна. Просто опускаю ладони под холодную воду, так и стою, глядя, как она с них стекает, когда дверь открывается и кто-то входит еще.

Каблуки громкие, как будто на них дешевые металлические набойки, но духи легкие, дорогие. Смешно: в этом ресторане не появляются девочки, которые так берегут свои туфли, что соглашаются на металлическое убожество, как некогда я.

– Привет. – Вошедшая останавливается рядом со мной, начинает копошиться в своей сумочке. – Меня зовут Виолетта.

Подняв взгляд, вижу блондинку, которая сидела за столиком Тимура. Подкрашивает губы, хотя помада не стерлась.

– Анита.

– Я так поняла, наши мужчины о чем-то хотели поговорить, – заметив мой взгляд, поясняет она. – Вот и вышла, как ты.

Ну что ж, надо признать, что выдающийся бюст и накачанные силиконом губы не мешают ей думать. Или она с Тимуром давно, или очень хочет возле него задержаться.

Выключаю воду, жду, когда влага высохнет сама: мне нравится это легкое покалывание холода.

– А ты давно замужем?

Вопрос меня удивляет даже больше, чем спонтанное обращение на «ты», которое я пропустила.

– Давно.

– А я никак не могу представить, каково это – быть замужем. – Она кокетливо пожимает плечиком. – Пытаюсь и не могу.

А я не могу представить, что речь о Тимуре. Впрочем, она молода, ей около двадцати, довольно симпатичная, хотя и похожа на сотню других. Наверное, в его вкусе. И не просто для секса, если он появляется с ней на людях.

– А что, намечаются перспективы?

– Вроде бы да. – Девушка бросает помаду в сумочку, смотрит на мое отражение, подмигивает. – Ну и как там, замужем? Не страшно?

– Спокойно.

Она удовлетворенно кивает, а я чувствую, что в груди что-то царапает. Наверное, это зависть к ее беззаботности и тому, что она наполнена надеждами. Сбудутся – нет, пока не узнаешь, но у нее есть цель, от которой горят азартом глаза.

– Идем? – Она открывает дверь, ждет меня, будто мы уже с ней подружки.

– Позже.

Кивает, ничуть не расстроившись. Легкая, наверное, уже и выбросила мой отказ из головы, как и другие мои односложные фразы.

Я выхожу через несколько минут. Макса за столиком уже нет, но администратор подсказывает, что он на улице.

Не один. Рядом с ним у черного джипа на парковке стоят Тимур и его девушка. Она явно скучает, и босс моего мужа кивает на авто.

– Виолетта, садись в машину, – короткое распоряжение, как он любит.

Девушка сияет улыбкой и тут же послушно ныряет в салон. Заметив меня, машет отсюда рукой. Я ограничиваюсь улыбкой и приближаюсь к мужчинам. Из их разговора успеваю выхватить только несколько фраз – что-то про договоры, проверки...

– Без вопросов. – Макс равнодушно пожимает плечами. – До завтра.

Он направляется к нашей машине, а я жду, когда он подъедет. Девушка Тимура подает ему знаки, но он почему-то тоже продолжает стоять со мной рядом. Пантомима в салоне его авто продолжается, и я не выдерживаю.

– Тебя уже заждались.

Он даже не оборачивается.

И никак не комментирует мою реплику. Становится неудобно – неудивительно, с ним так всегда. Только на этот раз уйти невозможно. Да и смешно, теперь-то я понимаю, что опасаться мне нечего.

Не знаю, почему он не уезжает. Я жду мужа, а он? Он так и не обращает внимания на свою пассажирку.

Бросаю взгляд на нее – она тоже недоумевает.

Поворачиваюсь к Тимуру, и...

– Спроси, – предлагает он.

Я чувствую себя так, будто у меня на руках карт-бланш. Волнуюсь, даже губы пересыхают, и я их незаметно облизываю.

– Тебе не тяжело постоянно выговаривать ее полное имя?

– Уверена, что хотела спросить именно это?

Нет.

Не знаю, как он чувствует, что у меня на языке вертелся похожий вопрос, но другой.

– Почему ты сократил мое имя?

– Интересно, какие у тебя варианты.

Улыбаюсь, почему-то теперь это кажется забавным, хотя когда-то расстраивало.

– Я долго думала, что ты не расслышал, когда я представилась. – Смотрю на него, чтобы не упустить верный ответ. – Позже подумала, что ты его забыл и просто назвал первое имя, с которым возникли ассоциации. А потом пришла к выводу, что ты просто не захотел забивать себе голову таким пустяком.

Его обожает ночь, она так скрадывает его лицо, даже невзирая на свет фонарей, что мне сложно рассмотреть хоть какие-то эмоции. Более того, кажется нереальное – будто его губы дернулись в мнимой улыбке.

Сзади раздается гудок, и я оборачиваюсь, чтобы уйти, уверенная, что ответ не услышу.

– У меня никогда не было проблем ни со слухом, ни с памятью, Аня. Несмотря на мой внушительный возраст.

Не останавливаюсь.

Сажусь в машину и уезжаю, даже не оглянувшись.

Дальше... дальше от этих слов, которые показали, что он тоже изредка окунается в прошлое. Дальше... мне всегда хотелось держаться от этого мужчины как можно дальше, и это было хорошее правило. Странно, что оно вдруг сломалось.

– Замерзла? – заметив, что я обнимаю себя руками, интересуется Макс. – Включить обогрев?

– Нет, спасибо, – разворачиваюсь к нему, согреваюсь от этой улыбки, от этой заботы. – О каких договорах и проверке вы говорили?

– Тимур хочет кое-что проверить. Сказал, что пришлет аудит.

– Внеплановый?

– Да. С другой стороны, у холдинга юбилей, десять лет. Так что понятно его желание подбить итоги. Кстати, в эту пятницу вечеринка по этому поводу.

Он подмигивает, а я чувствую смутную тревогу и, несмотря на его пояснения, не могу успокоиться.

– Может быть... может быть, тебе нужна какая-то помощь с договорами? Я могу посмотреть, посоветовать и...

– Анита, – он качает головой, – законы и правила меняются за год несколько раз. И то, что было актуально несколько лет назад...

Согласно киваю.

Он прав.

Отворачиваюсь к окну, смотрю на осень, по которой мы проезжаем.

– Серьезно, – чувствую, как Макс сжимает мою ладонь, – у меня в компании все в порядке. Со мной работают самые лучшие специалисты. Не забивай себе голову ерундой. Лучше подбирай себе новое платье, туфельки – что там еще женщины любят?

Хороший вопрос.

Потому что я понятия не имею, что люблю я.

– Ложись спать, – говорит Макс, когда мы возвращаемся домой. – Хочу чуть-чуть поработать.

Я согласно киваю: когда мужа накрывает творческий порыв, он забывает про время, может работать всю ночь. Но утром я застаю его не в мастерской, а в его кабинете. Ноутбук включен, на столе какие-то документы, а Макс лежит на диване в той же одежде.

Услышав мои шаги, открывает глаза, тянет меня на себя, заставляя склониться, отводит от моего лица волосы, улыбается. Такой, как всегда. А мне беспокойно.

– Скажи, у нас неприятности?

– Из-за того, что я начал тащить на дом работу? – посмеивается беспечно. – Нет, просто дома удобней. Здесь рядом ты.

Его поцелуй трогательный, нежный, тоже такой, как всегда, – и, как всегда, он действует на меня успокаивающе.

Я делаю кофе, готовлю быстрый завтрак, пока Макс принимает душ и одевается. Даже если он не спал всю ночь, на его внешности это не сказывается – выглядит хорошо и свежо. И я позволяю себе поверить, что причин для волнений нет. Хотя, по сути, наверное, закрываю на это глаза, затаптываю предчувствие, ведь вижу же, все вижу.

Целую неделю Макс возвращается поздно. И он будто забыл про свою мастерскую. Долгие вечера он проводит с ноутбуком в своем кабинете, иногда кому-то звонит, говорит на повышенных нотах. А когда я вхожу, разговор обрывает. Мои попытки завести речь о его работе заканчиваются его улыбкой и заверением, что все хорошо.

У меня нет причин для недоверия: всегда, когда он говорил, что все будет хорошо, так и случалось. Поэтому я успокаиваю себя тем, чем он и советовал, – покупаю новое платье. Я давно не ношу черное, но сейчас выбираю именно этот цвет. Закрытое наглухо спереди, с белой вышивкой на воротнике, похожей на атрибут школьной формы, но с открытой спиной.

– Великолепно, – увидев меня в нем, комментирует Макс. – Как всегда.

Эта фраза «как всегда» слишком часто звучит в моих мыслях в последнее время. Наверное, это попытка сделать вид, что ничего не меняется. Самообман. Но я снова ему отдаюсь.

Юбилей компании проходит в холле офиса холдинга. «Строй-Грант» – лишь малая часть, веточка. А вот «Гарант» – это махина на рынке, достаточно взглянуть на здание, которое он занимает. Черные стеклянные окна, один из лучших видов на реку. На парковке много дорогих машин – видимо, хозяин компании хорошо платит сотрудникам. Хотя, скорее всего, сегодня будут не только сотрудники, но и знакомые Тимура, деловые партнеры. Судя по тому, сколько людей уже здесь, мы с Максом приезжаем в числе последних.

Он кивает знакомым, с кем-то перебрасывается парой фраз, представляет меня. Не пытаюсь запомнить имена всех, это все равно нереально, да и в следующий раз мы увидимся, скорее всего, через год.

Фуршет, красиво украшенный холл, официанты с шампанским – все готово к тому, чтобы начать празднование. Но главного виновника нет. Знаю, что нет, хотя и не ищу его взглядом. А вот когда чувствую смутную тревогу и напряжение...

Кое-кто начинает оборачиваться, растягивать губы в улыбках, но даже без этих знаков я понимаю, что Тимур уже здесь. Черный костюм, белая рубашка, которая на его загоревшем теле выглядит настолько ослепительной, что хочется даже зажмуриться. В отличие от подчиненных с галстуками и бабочками, он позволяет себе не только обойтись без удавки, но и несколько расстегнутых пуговиц.

Свободный, спокойный.

Он как морская волна – даже если не заденет, окатит другого, а холод или брызги почувствуешь. Уверенный, отстраненный, рассекает поток людей, с кем-то беседует. Вернее, слушает, молча, короткий кивок – и отходит к другим. Мне кажется, облегченный выдох тех, с кем он говорил минуту назад, столь явный и громкий, что его слышу и я. Что говорить о Тимуре, который отошел лишь на пару шагов?

– Я отлучусь на минуту, – склонившись к моему уху, сообщает Макс.

Он подходит к какой-то женщине, которая кажется мне смутно знакомой. Кажется, я раньше видела ее в офисе мужа, только не уверена, она юрист или главный бухгалтер. Точно помню, что она выходила из кабинета Макса с какими-то документами. Лет двадцать пять, симпатичная брюнетка, хваткая, жесткая, видно по взгляду, который она бросает в мою сторону.

Но интереса не вызывает, как и эмоций.

Куда более интересно, почему я до сих пор не вижу здесь Виолетту. Пытаюсь рассмотреть ее среди гостей, но скоро убеждаюсь: ее действительно нет.

– Не заскучала? – интересуется Макс, когда возвращается. – Все, теперь я от тебя ни на шаг. Прости, это София, наш юрист, она хотела кое-что уточнить.

– Например, правда ли, что сегодня вечер пятницы, а не утро понедельника? – Заметив вопрос в глазах, поясняю: – Вы с этим аудитом перепутали рабочие дни с выходными.

– С ним наконец-то покончено, – успокаивает муж, осматривается по сторонам и подзывает официанта.

Берет для нас по бокалу шампанского – напиток приятный, но я ограничиваюсь парой глотков. Спиртное на таких мероприятиях – это скорее видимость, что ты можешь расслабиться. Мало кто на самом деле себе это позволяет.

– Нудная вечеринка, – вздыхает Макс и кивает в сторону виновника данного торжества. – Тимур никогда не умел развлекаться.

Машинально смотрю на него, и напрасно. Тимур с кем-то беседует, но вдруг поворачивает голову и натывается на мой взгляд.

Он далеко, в холле много людей, но такое ощущение, что он напротив меня, а вокруг пустота. Ни музыки, ни разговоров, ни блеска от платьев, драгоценностей и дорогих часов на запястьях.

Не смотрит, а изучает. Медленно проходится взглядом по платью, задерживается на скромном воротнике, вызывая сильное желание повернуться спиной, но...

Слишком смелый вырез может показаться маленькой провокацией, а я не хочу. Ни к чему.

Заметив, что Тимур направляется к нам, цепляюсь за локоть мужа. Тот снисходительно смотрит на мои высокие каблуки, хотя дело не в этом. Меня будто начинает смывать холодной волной, хотя она еще далеко.

– Прекрасно выглядишь, Аня, – роняет Тимур и тут же переводит взгляд на моего мужа. – Макс, нужно поговорить.

– А я надеялся, мы наконец начнем отмечать, – хмыкает тот.

– Потом. Если ты все еще найдешь для этого повод.

Макс уходит с улыбкой, как будто уверен, что повод найдется. А я, глядя им вслед, чувствую, как бешено бьется мой пульс.

Да, это тоже был еще один новый отсчет, но я пойму это позже.

Глава 9. Анита, настоящее

Их нет так долго, что мое волнение переходит в какое-то подобие панической атаки. Жадно смотрю в ту сторону, куда ушли двое мужчин, жду, что появится хотя бы один.

Улыбка... мне нужно просто увидеть улыбку Макса, и я успокоюсь. Пойму, что ничего не случилось, что я просто себя накрутила.

Ждать становится просто неважно. Да, это мужской разговор, и я ничего не понимаю в их бизнесе. Мое появление их вряд ли обрадует, но меня будто что-то подталкивает.

Миную празднующую толпу, скольжу взглядом по лицам некоторых важных гостей – большие деньги, слишком большие. Такие люди не будут тратить свое время на день рождения обычной строительной компании. Никогда до этого не задумывалась, насколько высокое положение в обществе и бизнесе на самом деле занимает Тимур.

И так же, не задумываясь, иду дальше.

Поворот, коридор, несколько дверей в кабинеты. В какой из них Тимур и мой муж? Что я скажу? Заскучала, устала, плохо себя почувствовала? Так ли это важно? Пусть я буду выглядеть глупо, пусть.

Дергаю ручку первой двери – заперто.

Перевожу дыхание, пытаюсь унять сердцебиение, которое заглушает все звуки, дергаю ручку другой.

Тоже закрыто.

А вот у третьей двери застываю.

Скольжу ладонью по деревянному полотну, царапаю ногтями, как будто это придаст мне хоть толику сил и может подготовить к тому, что увижу. А потом проворачиваю ручку, толкаю дверь, которая очень легко поддается, и...

Платье.

Сначала я вижу на полу подол платя, а потом уже взгляд выхватывает другие детали – женщина на коленях. Длинные темные волосы, голова запрокинута вверх, руки цепляются за черные брюки мужчины, который стоит перед ней.

– Пожалуйста... – говорит она сбивчиво и тянется пальцами к поясу мужских брюк. – Пожалуйста, я все объясню...

Мой взгляд отталкивается от ее согнутых кистей – скользит вверх, по белоснежной рубашке мужчины, к загорелому участку кожи на шее. И еще выше – к темной щетине, к твердо сжатым губам.

Узнавания нет.

Или это игры сознания – когда видишь все и все очевидно, а реальность в картинку не складывается.

Пытаюсь закрыть дверь и уйти, но ноги непослушные, ватные, а дверь издает тихий скрип. Ее хоть раз кто-нибудь смазывал? Вообще, двери в таких офисах смазывают или просто выбрасывают?

– Пожалуйста... – продолжает умолять женщина.

Но тот, кого она просит, не слышит ее. Чертова дверь... по всем виновата эта чертова дверь...

Потому что мужчина поворачивает голову и замечает меня.

– Простите, – бормочу, наткнувшись на дымчатый взгляд.

И резко хлопаю дверью.

Иду быстро, не разбирая дороги, как будто за мной кто-то гонится. Прохожу по длинному коридору, несколько раз куда-то сворачиваю, оказываюсь у какой-то террасы, и лишь тогда останавливаюсь и перевожу дыхание.

Так странно.

Мы давно с ним на «ты». И подобную сцену с его участием я уже видела. Тогда даже подробней. С тех пор много изменилось. Я изменилась. Но максимум, что смогла выдать из себя – всего одно слово.

Наверное, как и тогда, меня просто удивил его выбор.

Хотя мужчинам ведь нравятся стервы.

Постепенно я успокаиваюсь настолько, что начинаю ориентироваться в этом сплетении коридоров. Чтобы вернуться в зал, не обязательно возвращаться тем же путем – поворот приведет меня в зал. Может быть, Макс уже там?

Отгалкиваю от холодной стены, к которой прислонилась, но потом замечаю на террасе мужской силуэт и толкаю еще одну дверь. Она поддается легко, и меня обдает потоком капризной осени, которая вздумала моросить, и дымом от сигарет.

Услышав мои шаги, Макс оборачивается. Ничего не говорит, когда прижимаюсь к его боку и вдыхаю в себя его запах, который всегда меня успокаивал.

Он снова начал курить, хотя это неважно. Важнее то, о чем он молчит. Оберегает меня, но на этот раз я не хочу прятаться за его спиной от проблем.

– Что он сказал?

– Ничего, о чем бы тебе стоило волноваться. – Макс целует меня в макушку, тушит окурок и прерывает дальнейшие расспросы. – Пойдем, а то пропустим весь праздник.

– То есть, – припоминаю слова Тимура перед уходом, – повод для этого все еще есть?

– Конечно, – заверяет меня муж. – Пойдем, я не могу это пропустить.

Мы возвращаемся в холл – те же лица, та же натянутая атмосфера, словно ничего не изменилось с момента нашего ухода. Макс снова с кем-то беседует, смеется, больше не отходит от меня ни на шаг.

Мы с ним вместе. Если не считать официантов, которые только успевают подносить ему стаканчики с виски.

Торжество идет без хозяина холдинга, но это мало кого смущает. По-моему, многих его отсутствие только радует. Или они этого даже не замечают. Так же как никто не замечает юриста компании, которая стрелой проносится мимо гостей и, не обращая внимания на чей-то окрик, выходит из здания.

Быстро она справилась, и даже помада осталась.

Но почему ушла? Примирительный минет не помог сгладить размолвку с любовником?

Макс подхватывает с подноса официанта новый стакан с виски и кому-то им салютует им. Обернувшись, замечаю Тимура – тот лишь мазнул по нам равнодушным взглядом и отошел к группе гостей.

– Надеюсь, станет повеселее, – усмехается Макс.

Смотрю на него и понимаю, что это напускное веселье. И за спокойствием, которое он пытается излучать, прячется злость. Но он будто что-то пытается доказать – себе или Тимуре, потому что, несмотря на испорченное настроение и разговор, который вряд ли прошел в мирных тонах, не уходит.

Около часа мы еще находимся в зале. Нет, он сам не уйдет. Слишком упрямый. А мне надоело. Надоело наблюдать за тем, как он пытается сделать вид, что ему все равно, и я сылаюсь на усталость, новые туфли и то, что от глотка шампанского у меня болит голова.

– Странно, – на удивление трезвым голосом говорит Макс. – Обычно Тимур не экономит на мелочах. Может, смена погоды?

Я соглашаюсь на этот вариант. Какая разница, что станет предлогом, – главное, что мы все-таки уезжаем.

Пока переодеваюсь и принимаю душ, надеюсь, что Макс уже лег отдыхать. Но постель пустая. Забираюсь под теплое одеяло – для него еще рано, но плечам зябко, хочется как-то согреться. Я долго лежу с закрытыми глазами, но сон не идет.

Откидываю одеяло.

Иду на кухню сделать себе чай – с лимоном и мятой. Наверное, мне нужна хоть какая-то активность, хоть какая-то видимость, что все под контролем. Пусть даже такая мелочь, как сон.

Но вместо того, чтобы пройти на кухню, останавливаюсь у кабинета Макса. Дверь приоткрыта.

Еще одна дверь.

Слишком их много за сегодняшний день.

Но меня останавливает даже не это, а голос Макса – приглушенный, но в котором сквозит неприкрытое раздражение. Невольно бросаю взгляд на часы: за полночь, для звонков слишком поздно.

Может, тоже не может уснуть и сделать чай и ему? Длинный вечер, насыщенный, нескончаемый.

Приоткрыв дверь, вижу, как муж стоит у окна с телефоном. Видимо, слушает собеседника, а потом начинает смеяться – от души, хотя и не громко, видимо, не желая меня разбудить ненароком.

– Seriously? – отсмеявшись, интересуется он. – Ты серьезно думала, что умаслишь его, подставив рот или задницу? Думала, что он спустит тебе твой косяк, если ты пару раз ему подмахнешь? Дорогуша, такие, как ты, выстраиваются в ряд, чтобы он хотя бы заметил их! Его интересуют только деньги и бизнес, и он точно не променяет это на трах.

Знакомая фраза про деньги и бизнес, колкие слова про то, чтобы кого-то умаслить с помощью секса... мольба женщины, когда она стояла на коленях...

Тогда на эмоциях я упустила самое очевидное.

Это не было попыткой любовников заключить перемирие.

– Перестань завывать, – цедит мой муж. – Он начнет с меня. А ты забудь о примитивных методах, с ним они не работают.

Он тяжело выдыхает, видимо с трудом сдерживаясь, чтобы не послать к чертям собеседницу. А потом пожимает плечами.

– Не угрожал. Он не тратит время на пустые слова. Поставил в известность, что отправит меня за решетку. Кстати, сколько там дают за финансовые махинации в особо крупных размерах?

Какое-то время он молчит – видимо, получает ответ. А потом начинает смеяться.

– Спокойной ночи, София, – смех обрывается резко.

Макс сбрасывает звонок.

И так и стоит у окна, вглядываясь в золотящуюся в огнях реку. Как будто пытаюсь запомнить ее.

Глава 10. Анита, настоящее

Он не хочет мне ничего говорить.

Это очевидно, что он снова собирается все взять на себя. Но я не могу притвориться, что ни о чем не догадываюсь, и не могу оставить его одного. Даже если это ему не понравится.

Он слышит мои шаги, знаю, что слышит, – но не оборачивается.

Прислоняюсь щекой к его спине, обнимаю руками, и хотя он не делает этого в ответ, наконец согреваюсь.

– Я слышала твой разговор.

Не комментирует, не оправдывается, не пытается что-либо пояснить, и не надо. Я знаю, что он ни при чем, остальное неважно.

– Я могу тебе как-то помочь?

– Я все сделаю сам, – наконец отзывается. – Просто мне нужно время, чтобы исправить ошибку. Тебе не стоит ни о чем волноваться.

– А я волнуюсь! – Опускаю руки, становлюсь рядом с ним, смотрю на его четкий профиль. – Волнуюсь за тебя, по-моему, это логично!

Поворачивает голову, улыбается, и я начинаю злиться сильнее. Я не понимаю его спокойствия, не понимаю: здесь нужно искать варианты, договариваться с Тимуром, искать тех, кто подставил. В том, что подставил, даже не сомневаюсь.

– Я все решу, – повторяет он с той же улыбкой. – И в первую очередь проблему с неплотно закрывающейся дверью в своем кабинете.

– Макс! – взрываюсь я. – Как ты так можешь?!

Но весь мой запал спадает, когда он резко прижимает меня к себе. Горячие руки, какие горячие – и в них всегда так надежно. Простые объятия, а в них куда больше, чем в страсти.

Они успокаивают, им веришь.

Ему удастся убить мою злость, заставить ее заткнуться и стыдливо ластиться, как нашкодивший кот.

Он не будет со мной это обсуждать, но он знает, что я рядом и верю ему. Это самая малость, что я могу дать.

Я пытаюсь снова начать разговор, узнать хоть какие-то детали помимо тех, что услышала, но он закрывается. И я знаю, это четкое «нет», через которое не пробиться. Но это не значит, что я отпускаю неприятные мысли.

Они кружатся, когда мы ложимся в постель. Кружатся, когда, думая, что я сплю, Макс целует меня в плечо и прижимает ближе к себе. И не развеиваются, когда я слышу его размеренное дыхание.

Когда я просыпаюсь, Макса уже нет. Мой звонок на мобильный он сбрасывает: занят. Чтобы унять желание терзать его звонками, пока не ответит, готовлю обед. Есть не хочу. Суеть, пью кофе, но любимая горечь не приносит ожидаемой бодрости и привычного удовольствия.

Когда мой телефон оживает от входящего вызова, бросаю блюдо, которое вытягиваю из духовки. Но разочарованно смотрю на номер своей массажистки.

– Анита Владимировна, вы не забыли, что у нас назначена запись? – спрашивает она.

– Прости, Марин, я и правда забыла.

– Я могу перенести вас на час позже.

– Нет-нет, я не приеду сегодня. Но сделаем так, будто сеанс был. – В ответ на ее заверения, что не стоит, отмахиваюсь. – Это мой промах, так что все нормально.

Макс возвращается поздно вечером. Уставший, хотя и пытается не подать вида. К моменту, как он заходит в квартиру, у меня не только готов обед и ужин, но настаивается торт в холодильнике.

Мы говорим ни о чем, потому что мою попытку поговорить о самом важном он сразу же пресекает. Он ведет себя так, будто ничего не случилось, но напряжение можно резать ножом.

А еще он даже не заходит в свою мастерскую. Ни в субботу вечером, ни в воскресенье, когда вновь куда-то срывается и исчезает практически на день. Даже когда сильно устает, он не может без кисти и красок.

Мелькает мысль, что он себя от них отучает. Пытается понять, каково это – когда их не будет?

Я убеждаюсь в этом, когда в воскресенье вечером он возвращается, проходит в гостиную, где я делаю вид, что все нормально, и смотрю телевизор, даже не разбирая плывущих картинок, и садится рядом со мной.

Подгребают меня под свой бок, откидывают голову на спинку дивана и закрывают устало глаза. Красивый, он очень красивый, даже в этой непривычной усталости. Любуюсь четкими скулами, скольжу взглядом по щетине, которую он не сбрасывает уже несколько дней – не до нее сейчас, а потом замечаю какую-то папку с документами, которая лежит рядом с ним.

– Что это?

– Твой подарок на годовщину. Ты же не думала, что я ограничусь букетом?

Беру папку в руки, открываю ее и с трудом сдерживаю желание отбросить ее так далеко, чтобы никогда не найти. Потому что то, что находится в ней...

Дом за городом, две наши квартиры, его машина – все переоформлено на меня. Не сегодняшней датой, задним числом.

– Зачем? – хриплю я.

– Хочу, чтобы ты не волновалась по пустякам.

Он наконец открывает глаза и смотрит пристально, долго. И прежде чем я успеваю сказать все, что думаю, сжимает мои плечи – сильно, чтобы точно услышала.

– На самом деле это я не хочу волноваться. Я могу не успеть, понимаешь? Могу не успеть все решить. Но я не хочу волноваться, что ты останешься без копейки. И я хочу, чтобы ты не спорила. Ты же спрашивала, как мне можно помочь? Вот и помоги. Просто прими этот факт.

– Подожди, – я нервно сглатываю, сжимаю папку в руках, – мы можем предложить это Тимуру, и он...

– Я не собираюсь ему ничего отдавать своего, – отрезает Макс. – Я хочу вернуть ему *его* деньги, и только.

Он видит, что я против, но качает головой и ставит на обсуждении жирную точку:

– Тема закрыта.

То, что я перестаю терзать его вопросами и попытками навязать свою помощь, он принимает за то, что я с ним согласилась. В любой другой ситуации я бы сделала так, как он просит. А сейчас не могу.

Я знаю, что он будет злиться, когда узнает об этом, но в понедельник, едва он, ничего не объясняя, опять уезжает, я тоже начинаю собираться. Надеваю первое, что попадет под руку, – платье? Хорошо, пусть будет платье. Бежевый цвет не очень хорошо гармонирует с моим бледным лицом, но какое это имеет значение?

Так, папка с документами – едва не забыла.

Я уже стою у двери, когда внезапно раздается звонок.

Вернулся? Что-то забыл? Бросаю папку у зеркала, застыв, рассматриваю свое отражение, а потом до меня доходит. Это не Макс – у него ключи, он закрывал дверь, когда уходил.

Просто я нервничаю. Неудивительно, я не могу успокоиться уже несколько дней. Пытаюсь притвориться ради Макса, но внутри как будто сжалась ржавая пружина, которая медленно распрямляется и своей ржавчиной задевает чувствительные места.

Выдыхаю.

Это не Макс – уже хорошо. Не придется врать, что бегу в салон делать маникюр или массаж. Такая глупость это все – сейчас мне вообще плевать, какого цвета у меня ногти и что кожа не получит дополнительный тонус.

За дверью оказывается свекровь. Ее я видеть хочу еще меньше, но ей все равно, она уверенно заходит в квартиру. Окидывает меня цепким взглядом.

– Вижу, я не вовремя.

Не пытаюсь переубедить ее в очевидном. Но и реплику, что «не вовремя, как всегда», держу при себе. Она все-таки мать моего мужа.

Она бросает взгляд в сторону кухни, но так как я не спешу ее приглашать, поджимает губы и делает вид, что и сама не хотела.

– Я ненадолго. Просто спросить: что у вас происходит?

Пока я медлю с ответом, пытаюсь понять, как она догадалась, она теряет терпение и начинает меня торопить.

– Меня не интересует то, что я уже знаю. Скажи мне, что у вас случилось еще?

Она намеренно делает паузу и задевает меня за больное, пытаюсь вывести на эмоции. На эмоциях легче сказать то, о чем хочешь молчать.

– Не понимаю, о чем вы, – отвечаю, также выдержав паузу. – Но если вас что-то тревожит, думаю, вам лучше обсудить это с Максом.

– Перестань! – отмахивается она. – Ты лучше меня знаешь, что он ничего не расскажет.

– И тем не менее вы почему-то здесь.

– Потому что у меня, слава богу, есть крепкие связи! Конечно, было бы удобно, будь у тебя слепоглухонемая свекровь, но тебе с этим не повезло. Я всегда узнаю то, что важно для нашей семьи.

Без понятия, работают ли ее крепкие связи за идею или за деньги, но справляются они хорошо. И всегда, когда это происходит, у нас со свекровью случается разговор, после которого я долго пытаюсь восстановиться.

– Ну так что? – напоминает она. – Сама расскажешь или мне подключить еще одни связи, чтобы узнать, зачем мой сын срочно выдернул нашего адвоката с важного заседания?

Она не знает.

Конечно, не знает. Макс не сказал, адвокат этого тоже не сделает – слишком дорожит репутацией. И я не вправе ей говорить.

– Понятия не имею, – наконец отзываюсь.

Я говорю спокойно и равнодушно – давно научилась, получается так, что в это верит даже свекровь. Всматривается в меня, пытаюсь подавить морально, а потом разочарованно машет рукой.

– Ты всегда была бесполезной!

И все-таки ей удается задеть меня так, что маска равнодушия начинает трещать и разваливаться. Но она этого даже не замечает. Поправляет прическу, задумчиво рассматривает стену в прихожей и говорит в никуда:

– Мало мне волнений с мужем, который вывел все свободные деньги для расширения бизнеса. Рискнуть он решил... Благополучием, над которым мы с ним вместе работали. Еще и Макс что-то задумал...

Потом она, видимо, понимает, что излишне обнажилась передо мной: еще бы, поделилась переживаниями, и когда-нибудь я смогу это использовать против нее. Зря волнуется, я давно знаю три ее болевые точки: сын, деньги и статус. И все три сейчас ранимы как никогда.

– Зря я на тебя понадеялась, – вновь окидывает меня неприязненным взглядом. – Конечно, ты не можешь что-либо знать. Если что-то случится, он поделится со мной, а не с тобой. Что ты можешь сделать? Чем можешь помочь?

Молчу.

Каждое слово сейчас может стать лишним.

– У него были такие блестящие перспективы! Вокруг него крутились такие девушки! Одна была готова горы свернуть ради него, а ты... – Она толкает дверь и, уже стоя спиной, повторяет: – Бесполезная.

Едва она уходит, я оседаю на пуфик.

А потом заставляю себя забыть обо всем, подхватываю папку и выхожу из квартиры. Жалость к себе – роскошь, на которую я не хочу тратить время.

Пробки, тянучка – все словно меня отговаривает, но я не обращаю на это внимания, упрямо двигаюсь к цели. Не думать... не думать заранее, не выстраивать мысленно разговор, не притягивать негатив...

Этого хватает с избытком.

Еще один знак «стоп» – охранник в холле «Гаранта», который не хочет меня пропускать. Да, в пятницу попасть сюда было значительно легче, но в тот день многое было проще.

Мои доводы, что я жена директора «Строй-Грант», не убеждают его впустить меня без специального пропуска.

– Если бы он назначил вам встречу, вам бы выдали пропуск, – приводит охранник значимый аргумент. – А так я вас пропущу, а у него деловая встреча или еще что. Нет, я так рисковать не хочу.

Черт! А ведь я действительно даже не подумала, не взяла в расчет, что Тимур будет занят или его может вообще не оказаться в офисе. Но контактов у меня его нет, так что все равно пришлось бы приехать.

– Я уверена, что произошла какая-то ошибка. У меня назначена встреча с Тимуром Константиновичем. – Бросаю взгляд на часы в холле. – И она должна была начаться две минуты назад. Вы правда хотите, чтобы он узнал причину, по которой я задержалась?

Мой тон его убеждает, хотя и не полностью.

– Сейчас все выясним. – Косясь недоверчиво на меня, он начинает кому-то звонить. – Вил, здесь пришла Соколова Анита Владимировна, говорит, что у нее назначена встреча с генеральным директором... Что? Нет такой в графике записи... понятно...

– Пусть уточнит у него, – встречаю я. – Мы договорились вчера вечером, он мог не внести встречу в свой график.

– Слушай, – вздохнув, продолжает охранник. – А ты можешь уточнить у него? Просто девушка очень уж убедительно говорит.

Секретарша не очень рада такой перспективе и отчитывает охранника. Но, пожалуй, я действительно и выгляжу, и говорю убедительно, раз он просит ее все-таки поговорить с генеральным.

– А?.. – уточняет охранник спустя пару секунд. – Ну вот, видишь, а ты не хотела...

Закончив разговор, он кивает в сторону лифта.

– Последний этаж, поворот направо.

Я бодро марширую в указанном направлении, сев в лифт, нажимаю на нужную кнопку, а вот когда выхожу на этаже, меня запоздало накрывает эмоциями.

Страшно.

До чертиков страшно.

– Проходите, – сухо позволяет секретарша, едва я появлюсь.

А я подхожу к кабинету владельца компании и не могу заставить себя двигаться дальше. Не могу...

Но и уйти не могу тоже.

Стараясь унять неуместную дрожь, я толкаю массивную дверь и вхожу в кабинет.

Трудно заставить себя посмотреть на него с учетом обстоятельств, которые меня сюда привели, но я это делаю.

– Ты? – В дымчатых глазах мужчины на какой-то миг плеснулось удивление, но взгляд сразу же сделался жестким и холодным.

Таким, как всегда.

На лице ни единой эмоции.

Он бросает взгляд на документы, которые изучал до моего прихода, напоминая, что у него мало времени. Не приглашает присесть или чашечку кофе, который могла бы принести его секретарша и тем самым на пару минут отсрочить минуту моего унижения.

Теперь я уже почти жалею, что рискнула прийти сюда одна. Мне всегда было тяжело находиться с ним даже в большом помещении и среди многих людей, а когда мы в его кабинете и один на один, это кажется просто невыносимым.

– Макс должен тебе... крупную сумму денег, – бормочу я, отводя взгляд.

– Надо же, какая новость, – в его голосе отчетливо слышится издевка. – Не думал, что буду обсуждать это с тобой.

Ну да, разумеется, он не хуже моего знает, что из-за ошибки моего мужа компания потеряла большие деньги.

– Мы вернем, все вернем, – обещаю торопливо. – У нас есть дом, две квартиры, мы можем продать машины, и...

Его смех обрывает мою тихую речь.

И правда, смешно, он – владелец строительной компании, а машины меняет так часто, как этого хочет.

– Нам больше нечего предложить, – добавляю еще тише, чем раньше.

– Есть. – Его взгляд рентгеном проходит по мне, задерживается на груди и ногах и возвращается неспешно к моим глазам. – Только не вам, а лично тебе. Подумай, стоит ли твой муж такой платы?

Сомнений в том, чего он хочет, не возникает. И, пожалуй, я спрашиваю лишь затем, чтобы проверить: может быть, это все-таки сон. Дурной сон, один из немногих за последнее время.

– Ночь? Тебе нужна ночь со мной?

Он снова смеется.

– Твой муж может отправиться за решетку на несколько лет, а ты предлагаешь мне ночь? Месяц. В моем полном распоряжении. На моих четких условиях.

Глава 11. Анита, настоящее

В его глазах не остается и намек на смех. Взгляд жесткий, совершенно спокойный, как будто мы обсуждаем какой-то пустяк и речь не идет о человеческих судьбах.

– Месяц... – повторяю глухо за ним.

Нет, я не могу поверить, что он это всерьез. Не могу представить, зачем ему это нужно. Не могу понять, зачем ему я.

– Месяц? – смотрю на него.

А вот он теряет ко мне интерес. Ну да, он все четко озвучил, а я повторяю одно и то же, как будто он действительно передумает.

Устремляет взгляд на экран монитора, начинает что-то быстро печатать. А я не могу ни прийти в себя, ни выдать хоть еще одно слово, ни просто уйти. Слежу за тем, как его пальцы порхают над клавиатурой, и не могу представить, что, если я соглашусь, он прикоснется ими ко мне.

Так же быстро, легко, не задумываясь, потому что будет иметь на то право.

Не могу представить даже одной ночи с ним – у меня и сейчас голова начинает кружиться, стоит только об этом подумать. А тридцать ночей...

А потом мне становится смешно.

Смешно так, как, наверное, не было даже ему. И я не могу успокоиться – смех выплескивается, резвится, отбивается от холодных стен. Таких же холодных, как хозяин этого кабинета.

Тимур оставляет в покое ноутбук, откидывается на спинку кресла и внимательно за мной наблюдает. Как будто ему нравится то, что он видит. Нравится то, что он слышит. Не перебивает, не выражает удивления, просто смотрит, как я смеюсь.

Успокоившись, встречаюсь с ним взглядом.

Нет, не дрогнул, не передумал.

– Если я соглашусь на твое нелепое предложение, это будет твоей самой провальной сделкой.

– У меня нет ни одной провальной сделки, и я не собираюсь открывать этот счет.

– Ты понятия не имеешь о том, что просишь.

– Не помню, чтобы я о чем-то просил.

– Хорошо, – выдыхаю. – Ты понятия не имеешь о том, что тебе принесет эта сделка.

– И ты опять ошибаешься, – возражает спокойно. – Перед любой сделкой я всегда все тщательно изучаю и взвешиваю.

Не всегда.

Если я соглашусь, он сам это вскоре поймет.

И тогда вряд ли в его взгляде останется то, что он не озвучил сейчас: «Я всегда все тщательно изучаю и взвешиваю, в отличие от твоего мужа».

Отбрасываю мысли о Максе. Если бы он только знал, что мы сейчас обсуждаем с Тимуром... если бы мог только предположить, что может дойти до такого...

И если бы я еще знала, что делать.

Свекровь права: я бесполезная. От меня никакого толка. Мой максимум – это салоны и кухня. А когда надо принять решение, сложное, непростое, у меня тысячи «но», сотни «я не смогу» и с десяток «а вдруг обойдется?».

Вздрагиваю от резкого стука в дверь кабинета. Когда вижу на пороге незнакомого мужчину с папкой под мышкой, по спине ползет холодок. Понятия не имею, кто это и почему я чувствую опасность. Причем не далекую, а которая уже нависает.

– Тимур Константинович, – говорит мужчина в строгом костюме. – Все материалы собраны. Вот полный отчет. Можно пускать дело в ход?

А вот теперь понимаю.

Понимаю, что он держит в руках.

И вся неуверенность исчезает. Времени на сомнения больше нет. В голове проясняется, привычно отключая эмоции, пожалуй впервые радуясь, что все-таки этому научилась.

– Я хочу ознакомиться с документами.

Тимур кивает, и мужчина кладет папку с документами ему на стол. Без лишних вопросов уходит.

А я сажусь в кресло для посетителей и с молчаливого согласия хозяина холдинга принимаю за изучение документации. Пока еще документации, но которая действительно может стать делом. Уголовным делом против моего мужа.

Фирмы-однодневки, в которые переводились суммы за выполненные работы и материалы. Липовые акты, накладные и доказательство, что этого не было. Предоплаты в счет свежих договоров. Акты с показателями убытков, которые понесла компания за простой техники и отсутствие запланированных по графику работ. Подписи директора – Макса. Данные о том, что каждый электронный платеж также подтверждался не только бухгалтером, но и им. Двойная подпись – обычное дело в бухгалтерском деле. Общая сумма...

Сжимаю в пальцах листок, еще раз всматриваюсь в цифры, но чуда не происходит: она не меняется.

Дом, две квартиры, машины – все это пыль в сравнении с тем, какая сумма ушла со счета компании.

В голове тут же проносятся возможные варианты. Продать все это, быстро, теряя за срочность в деньгах, – не спасет. Взять в банке кредит? Опять же под залог недвижимости, и сумма будет куда меньше, чем даже от спешной продажи. Попросить взять кредит и родителей Макса...

Его отец только что вложил крупную сумму денег в развитие бизнеса. Бизнес и успехи сына – вот его слабость. Об этом знаю не только я, но и Макс, он не станет к нему обращаться за помощью.

Если бы хотя бы рассматривал этот вариант, уже бы с ними поговорил. Он знает, что все серьезно. Он переписал на меня всю недвижимость, потому что готовится к худшему раскладу в чьей-то игре.

Чьей-то, несмотря на его подписи на всех документах, я не верю, что он действительно польстился на деньги компании. Потому что не мог не понимать, к чему это приведет. Надеяться на дружбу с Тимуром и что тот спустит на тормозах? Смешно. Он знает Тимура куда лучше меня и сам же дал ему четкую характеристику.

– Если я соглашусь, у меня будут условия. – Отодвинув от себя документы, смотрю на Тимура, хотя его взгляд выдержать нелегко.

Но он молчит, поэтому продолжаю.

– Я не хочу, чтобы он узнал о нашей сделке. Не знаю, как ты это сделаешь, с учетом, что мы с ним муж и жена и живем в одном доме, – невесело усмехаюсь. – Но я хочу, чтобы это осталось только между мной и тобой. Еще. Ты не только не возбуждаешь дело против моего мужа, но и дашь ему возможность доказать, что он невиновен.

Черная бровь Тимура взлетает вверх, а губы изгибаются в подобии усмешки – пожалуй, это самые сильные эмоции, которые он демонстрирует так открыто.

– И самое главное, если я соглашусь... – продолжаю я, несмотря на легкое удивление от моей наглости в серых глазах.

Но это важно.

Действительно важно.

– Если ты захочешь разорвать нашу сделку раньше срока, это никак не отразится на прежних договоренностях.

Я полагала, он хотя бы удивится и спросит: «Думаешь, я могу захотеть разорвать ее раньше срока?» Но он удивляет меня.

– Для человека с юридическим и экономическим образованием у тебя слишком много сомнений, фантдопущений и неизвестных в простом уравнении.

– Не думала, что ты помнишь о таких незначительных фактах.

– Не думал, – отвечает он в тон, – что тебя еще раз придется убеждать в том, что у меня хорошая память.

Поднимаюсь, потому что дальнейший диалог бесполезен.

– Мне нужно подумать.

– Хорошо. Я отложу решение вопроса до завтра, – очерчивает он сроки и кивает на стопку визиток в массивном наборе. – Позвони. Я не всегда нахожусь в кабинете.

Мои пальцы такие же деревянные, как эта подставка, визитку удастся взять далеко не с первого раза.

Не прощаясь, направляюсь к двери.

Чувствую, как спину прожигает пристальный взгляд, и не спрятаться, не закрыться, лучше привыкать потихоньку. Привыкать, если я соглашусь.

– Хорошо, что ты не стала прокурором, как собиралась, – раздается голос Тимура. – Даже имея на руках все факты преступления и прекрасно зная, какой нужно требовать срок, ты все равно пытаешься всех оправдать.

Помнит.

Даже это он помнит, хотя сама я забыла: слишком все давно, эфемерно, как будто не про меня.

– Не всех, – говорю, обернувшись, – только тех, кто мне дорог. Что будет с тем юристом, который подsunул на подпись эти договоры, мне откровенно плевать. Даже если она сядет или будет обрабатывать долг куда дольше меня.

Тимур хмурится.

И по мере того, как я говорю, все больше и больше.

Ему не нравится то, что мне плевать на постороннего человека, который не мог быть таким идиотом, которым хочет казаться? То, что, несмотря ни на что, Макс мне все еще дорог?

Или то, как я обозначила цель нашей сделки?

Вряд ли такой взрыв эмоций у него был от моего предположения, что юрист может еще не раз постоять перед ним на коленях, и оттого, что я вовсе не против.

Выйдя из кабинета, даю себе пару секунд отдышаться. На автомате спускаюсь в холл, выхожу на улицу, сажусь в машину, делаю длинный вдох, буквально проталкивая в легкие воздух, и сжимаю кончиками пальцев глаза, которые почему-то начинает покалывать.

Усталость, это просто усталость, не страх перед безнадежностью. Потому что пусть даже такой, но выход есть.

Эти мысли помогают собраться. Правда, я надеюсь, что у меня будет куда больше времени, чтобы все обдумать и взвесить, но Макс неожиданно оказывается дома.

Я так привыкла к тому, что он поздно возвращается, что даже от этого факта не жду ничего хорошего. И вскоре убеждаюсь, что правильно. Он сидит в гостиной на диване, вытянув ноги, смотрит какую-то несмешную комедию.

Заметив меня, улыбается и предлагает присоединиться. Врать, где была, не приходится. Сегодня так точно. Полагаю, он думает, что вернулась после массажа или посиделок с подружками.

Останавливаюсь в проеме двери, смотрю на него, и от его улыбки становится грустно. Если я соглашусь на сделку с Тимуром, для нас все изменится. Смогу ли я потом выдержать на себе тепло его взгляда?

Не знаю.

Но и позволить ему тонуть не могу. В этом я точно уверена, и сейчас это перевешивает все мои «но», «не могу» и «как будет потом».

– Ты сегодня рано, – замечаю, усаживаясь рядом с ним и бездумно, как и он, глядя в экран.

Медлит.

Взвешивает: говорить или нет.

– Бессмысленная поездка. Меня отстранили. Доступа к документам, которые мне нужны, теперь нет. – Он обнимает меня, тянет на себя и еще же пытается утешать. – Ну-ну, не грусти. Я что-нибудь обязательно придумаю.

– Например?

– Попытаюсь договориться с помощником бухгалтера. Девочка молодая, но смышленная, деньги не помешают.

– Ты понимаешь, что хочешь намотать себе срок?

– Нет, если никто не узнает.

Меня поражает его самоуверенность. Он просто не хочет слышать, не хочет признать, что его план может лишь все усложнить. И окончательно убедить Тимура, который и об этом узнает, что Макс не останавливается ни перед чем.

Пытаюсь ему пояснить, что мало кто в здравом уме пойдет против такого хозяина, но муж уверенно твердит, что деньги решают все.

Он это сделает.

Действительно сделает.

На чьей стороне захочет играть смышленная девочка? На стороне директора, которого отстранили? Или на стороне хозяина, которому опасно переходить дорогу? Ответ очевиден. И даже если раньше она в этом еще могла сомневаться, теперь, на примере другого, уже знает точно.

Макс решительно закрывает тему. Досмотрев фильм, мы обедаем, пытаюсь сделать вид, что у нас все в порядке. Вкусная еда, хорошее вино, улыбка Макса – ничего не помогает расслабиться.

И я понимаю, что мне нужно выплеснуть напряжение. Нужно перестать прятаться и хвататься за призрачное, пока не стало еще хуже, чем есть. Нужно просто озвучить ответ, который я знала еще в кабинете Тимура.

Макс закрывается у себя, а я захожу в нашу комнату, достаю телефон, визитку, вбиваю номер и нажимаю на вызов.

– Да, – раздается мужской голос спустя три долгих гудка.

– Да, – повторяю, как эхо, за ним.

До меня запоздало доходит, что мой голос сейчас странно звучит и он может меня не узнать, тем более что у него нет моего номера.

– Жду тебя завтра в своем офисе в девять утра, – инструктирует он, сметая мои опасения.

– Так рано?!

Мало того, что он назначает встречу в своем кабинете, так ему еще и настолько не терпится?!

– По-моему, я внятно озвучил: в моем полном распоряжении, на моих четких условиях, – напоминает он сухо. – Не находишь, что поздно оспаривать?

– Я просто не уверена, что смогу как-то убедительно пояснить Максиму свой отъезд. Тем более что он сейчас дома.

– Тебе нужно еще раз хорошенько подумать над условиями сделки, Аня. То, о чем ты переживаешь, – твое условие, а значит, моя забота. Завтра утром у тебя проблем не возникнет.

Пауза.

Неужели он правда дает мне время одуматься, отступить?

– Хорошо, – озвучиваю решение.

– Не опаздывай, – советует он.

Связь обрывается.

Откинув телефон, долго сижу, глядя просто перед собой и не различая предметов, которые меня окружают.

А потом замечаю на полке часы. Те самые песочные часы, которые подарила свекровь, с застывшим песком на дне. Тянусь к ним, встряхиваю и наблюдаю, как оживают песчинки. За этим занятием меня и застает Макс, который входит в комнату.

– У меня будет допуск к документам, специалисты и время, чтобы доказать, что я ни при чем, – говорит он, садясь рядом со мной.

– Это хорошо. Я знаю, что у тебя все получится.

Он целует меня в висок.

А я еще раз переворачиваю часы.

Иногда бессмысленность завораживает и в ней прячется куда больше смысла, чем кажется.

Падая, песчинки не разбиваются.

Глава 12. Анита, настоящее

Тимур оказывается прав: утром у меня не возникает проблем с тем, чтобы как-то объяснить свой уход мужу.

Когда я просыпаюсь, его уже нет.

Обычно я делаю ему кофе и завтрак, но, видимо, я слишком устала и не услышала, как он собирался. А он слишком торопился начать восстанавливать свое честное имя.

У меня много времени, но я не особо заморачиваюсь: выбираю синее закрытое платье, с длинными рукавами и без декольте. Пусть не думает, что я прячусь от его взгляда, – это осень, просто осень, и все.

Хотя от мыслей, куда и зачем я иду... к кому я иду... мне становится не по себе. Мягко говоря, не по себе, даже голова чуть кружится.

Горький кофе – мой единственный завтрак. Протолкнуть в себя что-то еще не смогу. Стою у окна, но то и дело бросаю взгляд на часы, которые словно застыли. Час... пятьдесят девять минут... сорок шесть... до моей новой жизни.

За полчаса до назначенного срока я выхожу из квартиры. Моя оранжевая Mazda приветливо сияет огнями, когда снимаю ее с сигнализации, – хорошо, что я выбрала этот цвет, яркий, живой, даже сейчас я будто подпитываюсь энергией.

Минуту сижу в машине, а потом решительно откидываю страх и ненужные сомнения, мысли.

Нужно уметь отвечать за то, что ты делаешь.

Главный офис холдинга взирает на меня через тонированные окна со своей высоты. Но я больше не делаю себе хоть каких-то поблажек. Оставив на парковке машину, уверенно направляюсь к входу.

Пояснять что-либо охраннику не приходится. Стоит назвать свое имя, как он кивает и вручает мне пластиковую карточку. Турникетов здесь нет, полагаю, это просто чтобы не представляться в следующий раз.

Задумчиво кручу карточку в лифте, пока поднимаюсь. Если мне ее выписали, значит, следующий раз тоже будет здесь? Так сказать, без отрыва от производства? Ух ты, и даже пояснение моих частых визитов имеется: на оборотной стороне указано мое имя, мое полное имя, и должность – «Помощник генерального директора».

Усмехаюсь – да, знал бы тот, кто оформлял эту карточку, сколько стоит месяц работы такого специалиста, как я.

На удивление, эта мысль повышает мое настроение. И даже вид строгой секретарши, которую я бы скорее определила в помощницы палача, не портит его. Хотя кем-то вроде этого она и является. Да и выглядит так же, как он: холодная, отстраненная, с гладко зачесанными в высокий хвост светлыми волосами, в строгом костюме, который ей чуть маловат в области декольте.

Странно, он окружает себя блондинками, скорее всего, это его формат – и вдруг я.

С этой мыслью, постучавшись, я и захожу в кабинет генерального.

Он бросает взгляд на часы, а потом уже на меня. Нет, я не опоздала, даже чуть раньше пришла, и я готовлюсь к тому, что увижу в темных глазах насмешливый вопрос, которым сама задавалась вчера: «Тебе настолько не терпится?»

Но нет, ничего подобного нет.

Окидывает меня долгим взглядом, и, несмотря на то, что на мне довольно простое платье и мне вообще без разницы, что он думает, почему-то отмечаю: ему нравится то, что он видит.

Как только его взгляд, прогулявшись по мне, возвращается к моему лицу, не могу заставить себя посмотреть на него. Поворачиваю голову в сторону... и нервно сглатываю, когда замечаю диван.

Большой, из дорогой кожи, добротный. Вчера я его не видела, не до него было, а сейчас...

Это произойдет на этом диване? Просто повалит меня на него, и...

– Ты не выспалась? – слышу недовольный голос владельца компании.

Недоуменно смотрю на него.

– Если ты рассчитываешь прилечь, должен тебя расстроить, – говорит он. – У нас слишком много работы.

Он кивает в сторону кресла, в котором я сидела вчера, и я послушно его занимаю. Тимур, потеряв ко мне интерес, принимается разбирать какие-то документы, и у меня есть время, чтобы немного прийти в себя.

Теперь, когда я понимаю, что это не произойдет сию же минуту, мне довольно быстро удается вернуть себе душевное равновесие.

И когда спустя несколько минут он так и продолжает изучать документы, проявляется любопытство.

– Что ты имел в виду, когда сказал, что у нас много работы?

– Не более того, что сказал.

– То есть... я действительно нужна тебе только как личный помощник?

Запоздало себя корю за это неосторожное слово «нужна». Это звучит слишком лично, как будто он и правда может нуждаться во мне. Именно во мне, а не в ком-то другом.

Отрывается от бумаг.

– Не только. Но, в отличие от твоего мужа, меня интересует еще и твой мозг.

Я вспыхиваю мгновенно, как спичка.

– Пожалуйста, – мой голос дрожит от сильных эмоций. – Пожалуйста, не говори о нем. Тем более в таком пренебрежительном ключе.

– Так как ты будешь моим личным помощником, а я собираюсь сделать все, чтобы вернуть свои деньги, его имя так или иначе будет довольно часто звучать в стенах этого кабинета. Вне стен – я учту твою просьбу.

Киваю.

Спасибо и за эту уступку.

– Твое первое задание – составить мое расписание на неделю, – деловым тоном продолжает Тимур. – В твоём ноутбуке появится файл, в котором постоянно будет обновляться информация о тех, с кем я должен увидеться. Также будет расписание за прошлые месяцы, из которого ты поймешь приоритетность и как распланировать время. Если будут какие-то вопросы, можешь задать их мне или Вильгельмине.

– Кому?!

– Что тебя удивляет сильнее? То, что ты запросто можешь обратиться по таким пустяковым вопросам к самому генеральному? Или то, как зовут мою секретаршу?

– Честно говоря, – признаюсь я, – сильнее всего меня удивляет, что ты произносишь ее имя полностью, без запинки.

Прикусываю губу: ну что мне стоило промолчать? Почему я часто рядом с ним веду себя не так, как привыкла?

Смех – громкий, открытый – прерывает мои терзания.

А потом на них просто не остается времени. Вильгельмина, цокая каблучками, по звонку своего генерального заносит в кабинет ноутбук и располагает его не возле меня, хотя и знает, для кого он, а с самого края стола.

Можно подумать, мне трудно подняться. Беру ноутбук – тоненький, кажется новым, и, скорее всего, действительно так и есть. Перед тем как открыть его, скольжу по нему пальцами

– не потому, что красивый или я не могу позволить себе такой же. Просто... это мой первый ноутбук для работы.

Я не вижу взгляда Тимура, но чувствую. Он прикипает к моим ладоням, когда я любовно вожу по черному корпусу.

Сжимаю пальцы и словно стряхиваю с себя его взгляд. Нет, он не покидает меня – лениво перемещается на мою шею.

И я не могу отвернуться, не могу уйти, не могу даже притвориться, что не понимаю, что он означает.

– Хочу предупредить, что вечером я должна быть дома, – говорю отстраненно, как будто речь идет по погоде.

– Зависит от того, как ты справишься, – невозмутимо отвечает Тимур. – График мне нужен сегодня, а ты еще даже ноутбук не открыла. Пока я склоняюсь к мысли, что ты хочешь со мной задержаться подольше.

Тяжело вздыхаю: конечно, для меня не новость, что у него сложный характер. Сложный и непонятный. Но спорить не решаюсь. Он прав, лучше заняться делом.

К тому же мне еще надо подумать, как объяснить свое внезапное назначение мужу. Вряд ли он это одобрит.

Не думать...

Не думать об этом сейчас.

Погружаюсь в изучение таблиц – да уж, только понедельник, а у него уже запланировано столько, что я понятия не имею, когда он собирается спать.

Нет, об этом лучше тоже не думать.

Просматриваю прошлые графики, чтобы понять, щадила ли его секретарша. Не очень. Хотя временами поблажки давала.

Такой соблазн забить его расписание на день так, чтобы у него вообще не было времени свободно вздохнуть! Ну а что, это же все во благо компании, кому, как не генеральному директору и учредителю, об этом переживать!

– Кстати, – прерывает мои каверзные мысли тот самый генеральный директор, – на многих встречах будет присутствовать и мой личный помощник.

Как, интересно, он догадался?!

Бросаю взгляд на него – нет, даже не смотрит, то есть выдать я себя не могла. Почувствовал, что ли? Вот не зря говорят, что у людей такого уровня хорошо работает интуиция.

Так, смотрим расписание повнимательней: я не могу позволить себе возвращаться домой ближе к полуночи.

Поначалу процесс идет трудно, к тому же в графике постоянно обновляются данные: ноутбук подключен к общей сети, и секретарша просто сбрасывает информацию в файл. А потом я так увлекаюсь, что даже не обращаю внимания на то, что хозяин кабинета куда-то уходит.

Конечно, для сотрудника с опытом это простая задача, но я так радуюсь, когда через пару часов мне удастся с ней справиться! Очень хочется с кем-то поделиться, похвастаться, как будто я заключила первую сделку на миллион.

Дальнейших указаний не было, и я совершенно не представляю, что делать. Пока Тимура нет, прохаживаюсь по кабинету. Светлый, просторный, в стиле минимализма. Замечаю на полке несколько книг – многие на английском, по бизнесу, аналитике. Удивляет, что есть и художественная литература, тоже в основном зарубежная.

Книги дорогие, подарочные издания, провожу пальцами по их корешкам – все-таки с электронными экземплярами не сравнить. Но взять не решаюсь.

– Справилась?

Голос Тимура заставляет меня обернуться.

– Мне кажется, да.

С готовностью возвращаюсь в кресло, открываю свой ноутбук и с нетерпением, которое скрыть полностью не получается, предлагаю:

– Тебе файл переслать?

– Не нужно, – раздаётся его голос у меня за спиной. – Я так посмотрю.

Хочу отодвинуть чуть ноутбук – вряд ли у него такое зрение, как он полагает. Но Тимур склоняется надо мной и рукой блокирует и ноутбук, и мое возможное отступление.

Смотрю, как быстро его пальцы порхают по клавиатуре, и стараюсь не обращать внимания на его дыхание, которую чувствую на своей шее. Размеренное, спокойное, в отличие от моего.

Он так близко, что я понимаю: если дернусь, если чуть поверну голову в сторону, наши губы соприкоснутся, и...

– Для первого раза неплохо. – Он выпрямляется и, надеюсь, не слышит моего облегченного выдоха. – Вильгельмина подкорректирует расписание, ты завтра посмотришь и сделаешь выводы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.